

KINDLE
BESTSELLER

AMAZON.COM
BESTSELLER

ТАЙНЫ ПРИЗРАКОВ

С А Р А
П Э Й Н Т Е Р

Сара Пэйнтер
Тайны призраков
Серия «Бестселлер Amazon.com.
Романтическая проза Кэрри
Лонсдейл и Сары Пэйнтер»
Серия «Семья Харпер», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65279456
Тайны призраков: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-120706-9

Аннотация

Кэти Харпер верит, что в день рождения у нее откроется необычный дар. Считается, что у каждой женщины из ее рода есть какая-то мистическая способность.

Однако, к ее разочарованию, ничего не происходит.

До тех пор, пока Кэти не понимает, что видит людей, которых не видит больше никто, а еще разговаривает с птицами и, кажется, плавно погружается в сумрачный, загадочный мир, лежащий за гранью обыденности. Это увлекательно, но близкие Кэти вскоре начинают не на шутку тревожиться из-за ее способностей.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	59
Глава 5	82
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Сара Пэйнтер

Тайны призраков

Sarah Painter

THE SECRETS OF GHOSTS

Copyright © The Secrets of Ghosts 2014 by Sarah Painter

© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Дэйву, с любовью

Глава 1

Последнее «с днем рожденья тебя» смолкло, и Кэти Харпер закрыла глаза и подула на свечи на торте. Собрав себя в кулак, она, как никогда раньше, сосредоточилась на избранном желании. Сосредоточилась даже сильнее, чем в детстве, когда, проходя через «лошадиный» этап, надеялась получить пони. Сильнее, чем в выпускном классе, когда, как ей показалось, влюбилась в Люка Тейлора и испытала свой первый настоящий заговор. Сжав кулачки так, чтобы ногти вонзились в ладонь, она прикусила до крови щеку – кровь и боль были необходимым условием исполнения желания. Замысел и устремленность – вот что рождает магию. Кэти знала это и потому открыла глаза с надеждой увидеть мир преображенным.

Но нет. Мир остался прежним.

Она ощутила глухой импульс разочарования, увидела тень озабоченности на лице тети Гвен и торопливо изобразила улыбку.

Эту улыбку Кэти держала, пока резали торт, пока дядя Кэм обнимал ее и вручал чеки, пока она сама благодарила всех, кто пришел.

К тому моменту, когда попрощаться подошли мама с папой, от улыбок уже болело лицо. Мама поцеловала ее в обе щеки и в миллионный раз извинилась за то, что им нужно

спешить.

– Уезжаем завтра рано утром, а ты знаешь, как я переношу путешествия.

– Знаю. Все в порядке. – Руби и Дэвид отправлялись в круиз, третий за последние два года. К своим обязанностям хранителей пустого гнезда они относились со всей серьезностью, и Кэти, откровенно говоря, винить их не могла. Она не была примерным подростком. Обняв родителей, она вдохнула аромат духов и увлажнителя. – Я тоже скоро лягу. Завтра на работу.

– Смотри сама, – уже шагнув за порог, сказала Руби.

– Ладно. – Кэти брала все дополнительные смены в «Грандже», а празднование двадцать первого дня рождения не вызывало никаких позитивных эмоций. Полное совершеннолетие. День, когда человеку открывается его сила. День, который немало стоит.

Проводив родителей до двери, она помахала им и постояла еще немного, глядя, как они проходят по садовой дорожке и садятся в серебристый «Ауди». Вдоль дорожки стояли корзиночки из-под пирожных с зажженными свечами, а между деревьями и кустами Гвен натянула разноцветные гирлянды.

– Ты слишком много работаешь. – Подойдя к племяннице сзади, Гвен протянула ей тарелку. – Мне это не нравится.

В соответствии с давней традицией, к каждому дню рождения Гвен готовила торт с новым вкусом, а виновнику торжества надлежало угадать составные комбинации. Подув на

свечи, Кэти уловила легкий аромат лайма и теперь полагала, что уравнишивать кислоту в рецепте должно что-то сладкое, так что присутствие меда ее не удивило. Была в нем и пряность, но какая? Кэти откусила еще немножко и подержала кусочек во рту.

Гвен выжидающе смотрела на нее.

– Кардамон? – предположила Кэти.

– Близко. – Гвен покачала головой. – Кумин.

Кэти постаралась сохранить нейтральное выражение. С травами у нее получалось плохо. А если ведьма не разбирается в травах, то какая ж она ведьма? Дерьмовая, вот какая.

Между тем Гвен продолжала говорить на тему праздника:

– Знаешь, двадцать один бывает раз в жизни. Скажи хотя бы, что зажжешь потом с друзьями. Прошвырнешься по клубам или устроишь что-то в этом духе.

– Уже почти десять, – сказала Кэти и смутилась. В десять вечера по клубам ходят многие. Ну, может быть, не в Пендлфорде, но все-таки.

Позже, проходя по украшенной свечами дорожке, она попыталась объяснить все с точки зрения логики. Ожидать, что сила придет к тебе именно в двадцать один – а не в шестнадцать или восемнадцать, нет никаких оснований. До этого она так надеялась на девятнадцать – последний подростковый год, но точно так же то, что не случилось сегодня, может не случиться и завтра, и послезавтра, и в следующем месяце

или в какой-нибудь дождливый четверг в октябре.

Она села на деревянную скамейку. Только не надо паниковать — для этого нет никаких причин.

— Ты что делаешь? — Кэти и не услышала, как сзади подошла Анна — со стаканом шипучки и озабоченной миной на лице.

— Паникую. — Что, если она все-таки пошла не в Гвен? Что, если она такая же, как мама? Бабушка умеет читать судьбу по картам, Гвен — находить потерянные вещи, а Руби... Магии в ней не больше, чем в овсянке.

— Кризис среднего возраста. — Кэти подвинулась, освобождая место для Анны.

— Для него ты еще слишком молода. — Анна села. — Про четверть еще можно говорить. Хотя лично я намерена прожить сто пятьдесят.

Кэти принужденно улыбнулась. Анна — молодец, вот и пытается ее подбодрить.

— Ты торт пробовала?

— Даже два раза. Мыслей — ноль. Так из-за чего кризис? Не хочешь остаток жизни работать в «Грандже»?

— Не дай бог.

Анна рассмеялась.

— Я тоже. Планирую открыть собственное заведение. Когда-нибудь.

— Правда? — удивилась Кэти. Анна работала официанткой и справлялась прекрасно: расторопная, быстрая, всегда улы-

бающаяся. Казалось, вот уж кто всем доволен, но с другой стороны, она знала ее не очень хорошо. Да и невозможно знать, что на самом деле у человека в мыслях.

– Что? – Анна взглянула на нее искоса. – Думаешь, не справлюсь?

– Конечно, справишься. Ты же такая сообразительная. Такая организованная. В отличие, например, от меня.

– Это да. Тебя бы я даже на обслуживание не взяла. Ты такая... немножко рассеянная.

– Как мило, – с наигранной обидой сказала Кэти. – И это мне в день рождения.

Кэм вышел в сад и, подойдя к Гвен, обнял ее сзади, а она повернула голову в ожидании поцелуя.

– Вот уж кто любит друг друга, правда? – негромко сказала Анна, наблюдая это представление.

– Извини, – пробормотала Кэти, не вполне понимая, за что извиняется.

– По крайней мере, кто-то получает что-то. А я в цвете лет, и вот тебе. Это же преступление не пользоваться вот этим всем. – Анна окинула себя взглядом.

– Думаю, женщины расцветают позже. В тридцать с лишним или около того.

– Не собираюсь так долго ждать секса.

Кэти рассмеялась. Несколько месяцев назад Анна пригласила ее к себе на вечеринку. Они вместе работали в «Грандже» и едва успели познакомиться. Большинство дру-

зей Кэти рассеялись: кто-то уехал в Лондон, кто-то поступил в университет, а кто-то отправился в годичное путешествие по миру. Двое-трое остались в Бате, но Кэти перебралась в Пендлфорд и, по правде говоря, вовсе не горела желанием поддерживать отношения с кем-то из одноклассников. В результате ее ближайшей подругой стала Анна, у которой, как предполагала Кэти, таких, как она, друг был еще целый батальон и которые в рейтинге времени и внимания стояли много-много выше.

Гвен говорила, что у нее проблемы с доверием, на что Кэти, как обычно, отвечала, что своими проблемами каждый обязан себе. В тени на краю сада, подальше от света, мелькали неясные фигуры. Заиграли «Gorillaz», посредине лужайки одиноко танцевала Шари. Про таких говорят, что они «вольные духом». Они всегда в курсе, где и что происходит. У них экзотические бойфренды, которые делают кино.

– Соседка по квартире? – Анна кивнула в сторону Шари.

– Бывшая. – Кэти нравилась Шари, но когда выяснилось, что «вольный дух» означает «никаких границ», даже обрадовалась, узнав, что подруга решила съехать и жить со своим последним бойфрендом, Лайамом.

– Жаль.

– Вот уж нет, – невозмутимо ответила Кэти. – Если бы она не съехала, я бы, наверно, ее убила.

Анна нахмурилась, а Кэти подумала, что реплика прозвучала излишне серьезно. Она открыла рот, чтобы объяснить,

в чем дело, но Анна уже переключилась на другую тему.

– Потрясающее место. – Она посмотрела в сторону огородных грядок, растянувшихся вдоль дома. – Видела, что выращивает твоя тетя? Баклажаны, перцы, чили. Как только ей...

– Год выдался по-настоящему жаркий. – Кэти верила в искренность и честность и не пыталась скрыть некоторые фамильные особенности, но и трепаться направо и налево, вызывая недоуменные и недоверчивые взгляды, не любила. Обычно она старалась отделяться по возможности малым и не пускалась в откровения, если это не требовало явной лжи.

– Еще одна ее особенность? Круто.

Конечно, Пендлфорд это Пендлфорд. Здесь все знали, что семейство Харпер не совсем простое. Если нужно найти что-то, что вы потеряли, если требуется хороший совет или травяной настой, помогающий, когда не помогает лекарство из аптеки, отправляйтесь к Гвен. Кэти хотела пойти по ее стопам, но не знала, в чем ее истинная сила, ее *raison d'être*. Отставив пустую тарелочку, она прилепила улыбку, изображая радость и веселье – ради гостей, ради Анны, ради Гвен. Они же не виноваты, что она – одна сплошная неудача.

Разбитая и не в духе, Кэти встретила следующий день. В квартире было холодно и пусто, и она почти пожалела, что рядом нет Шари, которая уже расхаживала бы по комнате в

белье и кричала что-нибудь в телефон. Или не кричала. Чего здесь определенно не хватало, так это кота. Увы, условия аренды запрещали проживание домашних животных. Не помогло даже объяснение, что кот нужен ей для работы. Каждой ведьме необходимо близкое существо.

Кэти легла на софу и попыталась расслабиться, но мысли снова и снова возвращали ее к последнему неудавшемуся заклинанию. Не смогла даже опознать кумин в торте. Предполагалось, что, бывая у Гвен, она пройдет что-то вроде учебного курса, но результаты не улучшались, а только ухудшилась. Все старания приводили к неудачам. Кэти думала, что это станет ее жизненной целью, ее ролью. Она не пошла в университет, не отправилась путешествовать с друзьями, но посвятила себя подготовке у Гвен. В свое время Гвен сбежала из дома и целых тринадцать лет отказывалась признавать свой дар. Кэти не хотела повторять ее ошибки. Тогда откуда это ощущение, что она свернула не туда?

Собрав последние силы, Кэти поднялась с дивана, принесла из кухни жестянку с печеньем и вставила в плеер DVD-диск. Потом вернулась на софу, приготовившись в тысячный раз получить удовольствие от «Его девушки Пятницы» и шоколадного печенья.

Телефон зазвонил ровно в тот момент, когда Розалинда Рассел пинала под столом Кэрри Гранта. Голос Анны принес печальную весть: Страшиллу Фрэнка назначили старшим официантом.

– Это же издевательство над справедливостью. Он тут все недельное расписание смен перепутал. Вся надежда на тебя. Сможешь прийти пораньше?

Кэти задумчиво уставилась на застывшую на экране телевизора картинку. Что бы сделала Хильди? У Хильди карьера, пришел ответ. А у тебя работа.

– Ладно, только скажи Фрэнку, что чаевые в этот раз мои.

– Надеешься заработать?

– Я – отличная официантка, – заявила Кэти, игнорируя легкий укол в левом ухе, означавший, что она врёт и сама это знает.

Анна рассмеялась и дала отбой.

– Как грубо, – отозвалась Кэти и пошла готовиться.

Она собрала волосы в высокий хвост и убрала упрямое крыло челки. Оно снова упало на лицо. Пришлось вооружиться маникюрными ножницами и срезать под углом кончик шириной в дюйм.

В результате симметрия нарушилась, и теперь край челки пытался кольнуть в глаз. Красота! Кэти надела форму – узкую черную блузку, короткую черную юбку, матово-черные колготки и туфли на платформе – и спрятала под блузку подвеску-револьвер. День был теплый, и ноги в колготках поджарятся, но она уже знала по собственному опыту, что юбка приносит чаевых больше, чем брюки. Противно, но правда, и, как говорила Гвен, бесплатного ланча не бывает.

В «Грандже» Кэти проверила график и прошла в кухню.

– Берегись, беда идет, – бросила через плечо Джо. На плите что-то жарилось, шипело и шкворчало, так что задержаться Кэти не стала. Джо была маленькая, миниатюрная, чуть больше четырех футов, и занимала должность шефа. Еще она обладала самым громким голосом, который Кэти когда-либо слышала и который компенсировал нехватку роста. Вначале, впервые появившись в отеле, Кэти пугалась, услышав этот голос, но потом поняла – Джо играет роль. Играет для тех, кто не совсем тупой.

Съездившись, Кэти проскользнула мимо нового кухонного рабочего с ловкостью лабрадора, добавлявшего кули к разложенным перед ним чизкейкам. Дверь еще не захлопнулась, а до нее уже долетел громовой голос Джо.

Кэти подхватила свободный фартук, завязала на талии и направилась в ресторан.

– Ты что здесь делаешь? – строго, как всегда, забыв добавит хотя бы щепотку обаяния, спросил Фрэнк, раздувшийся от важности старший официант. Поскольку Кэти была не в духе, она лишь вскинула бровь и ничего не сказала. – Ты должна быть в зале. На свадьбе. Давай. Давай. – Фрэнк помахал руками, словно Кэти была надоедливым щенком.

Вот получу силу и никогда больше не буду официанткой, пообещала себе Кэти и, прилепив профессиональную улыбку, открыла дверь в приватный обеденный зал. Перед ней сразу же нарисовался худощавый мужчина в черной форме официанта.

– Ты – Кэти? Слава богу. Ты на подаче работала, да? Отлично. – Он практически протащил ее через комнату к буфетной стойке. Блюда с холодным мясом и чаши с салатом сменились огромными металлическими подносами с куриными крылышками, свиными эскалопами с топпингом, который, как показалось Кэти, мог соскользнуть на пол при первой же попытке переложить его на тарелку. Она постаралась успокоить себя, рассудив, что если и опрокинет салат на какого-нибудь клиента, то у него, по крайней мере, не будет ожога третьей степени.

Сидевшие за круглыми столами гости как раз решили, что пришло время подкрепиться, и к буфету тут же выстроилась очередь. Вежливая очередь – никто не толкался, не шумел, и лишь короткий блеющий смех нарушал порой ровный гул голосов. Кэти вооружилась сервировочными щипцами и приготовилась метать угощение.

Стоявший рядом с ней официант приветливо улыбнулся.

– Надеюсь, «мопсы» проголодались и не заметят, что еда остыла.

Кэти улыбнулась в ответ. «Мопсами» называли людей вообще, и это выражение стало одним из первых жаргонных выражений, с которым она познакомилась в «Грандже». Именно это нравилось ей в работе больше всего – чувство принадлежности к команде, знание секретного языка. Играло свою роль и то обстоятельство, что в семье она была единственным ребенком. Ей всегда хотелось иметь сестрен-

ку-близняшку, с которой можно было бы делиться секретами.

– Извините? – Какой-то парнишка протянул наполовину пустую тарелку. – Вы не положите мне немного... – он растерянно нахмурился, глядя на поднос с куриными конвертиками, – вот этого?

Кэти бросила взгляд на дальний край буфета, где только-только начали обслуживать первых гостей.

– Вам нужно встать в очередь. – Она махнула щипцами.

Он усмехнулся, а Кэти подумала: симпатичный, знает это и этим пользуется.

– Я нарушитель правил. Маверик. А кто такие «мопсы»?

– Вы так и останетесь голодным мавериком, если не встанете в очередь.

– Да перестаньте, я же знаю, что вы вовсе не такая зануда. – Он приложил ладонь к животу, и Кэти невольно обратила внимание и на изящную форму торса, и на то, как элегантно он носит рубашку и жилет.

– Вы даже не представляете какая, – ответила она, прищурившись.

– Прекрасно. Буду набивать желудок углеводами, но когда распухну и потеряю интерес к жизни, виноватой назову вас. – Он схватил из корзинки булочку и засунул в карман, потом положил еще две на тарелку.

К этому времени первые гости из законно выстроившейся очереди уже начали подходить к Кэти, и она решительно

отвернулась от симпатичного наглеца.

– Курицу, мадам, или конвертик с пармской ветчиной? – Женщина, стоявшая первой, уже открыла рот, чтобы ответить, но не успела.

– Звучит божественно. Знаете, я передумал и возьму.

Дерзкий юнец протянул тарелку и с улыбкой смотрел на Кэти; в его сияющих озорных глазах прыгали смешинки. Кэти с удовольствием выбила бы тарелку у него из руки, но поблизости маячил Фрэнк, взгляд которого внушал главное: гости должны отходить с куриными конвертиками, а не ввязываться в мексиканскую дуэль с обслугой.

Кэти умела признавать поражение. Успешно переправив конвертик с подноса на тарелку, она холодно улыбнулась и, пожелав приятного аппетита, повернулась к женщине.

– Приятного аппетита.

Сосредоточившись на обслуживании, она время от времени поглядывала на куриного воришку. Выглядел он и впрямь мальчишкой, но легкая щетина симпатично контрастировала с хорошо сидящим костюмом. И почему только у мужчин в наше время стало немодным носить костюмы, в тысячный раз подумала Кэти. Кэрри Грант, Джеймс Стюарт, Генри Фонда – все эти секс-символы своего времени вряд ли выглядели так аппетитно в хипстерских джинсах и бесформенных вязаных шапочках.

Однако что-то было не так. Наблюдая за ним, Кэти едва не уронила куриный конвертик на чье-то платье. Нагрузив

тарелку едой, он как будто двинулся к своему столу, но так и не дошел, а остановился поговорить с кем-то и ел стоя. Похоже, своего места у него просто не было.

Стройный, с немного растрепанными светло-каштановыми волосами куриный воришка выглядел так, словно только что выкатился из уютной постели. На каждый брошенный в его сторону взгляд он отвечал открытой улыбкой, но в промежутках между улыбками наблюдал за толпой с пугающей сосредоточенностью. Проследив за ним, Кэти поняла, кого он напоминает: хищника в стаде газелей. Внутренний голос нашептывал, что ничего хорошего ждать от него не приходится, но с другой стороны, а что она могла сделать? Потом ее отвлек юнец с явными признаками сахарной лихорадки, а когда она снова попыталась его найти, он уже пропал. Пропал и пропал – ей-то какое дело? Свадьба чужая и проблема тоже.

Позднее, когда убрали обеденные столы и загремело диско, а Кэти отправилась раскладывать по тарелкам остатки buffetной еды, придавая им более-менее презентабельный вид, к ней подлетел Фрэнк.

– Здесь сворачиваемся. Иди и помоги на обслуживании номеров.

Кэти взяла на кухне поднос и проверила номер комнаты. Мистер Коул, в Желтой, заказал стакан портвейна и закуску – сыр с бисквитом. Наверху Кэти бывала часто, но теперь, в ее нынешнем, депрессивном состоянии, сама роскошная

лестница действовала на нее угнетающе. Дубовые панели – как же их много, латунные лестничные прутья – а ведь кому-то приходится их полировать. Она вдруг с ужасом представила на месте кого-то из этих несчастных. Что, если она так и не поймет, чем хочет заниматься в жизни? Что, если работа в «Грандже» – ее потолок?

Желтая комната находилась на самом верху. Кэти прошла по роскошно украшенному коридору к еще одной лестнице, поуже, поднялась на два пролета и оказалась в еще одном коридоре, поскромнее первого. На стенах здесь были плотные кремовые обои с тиснением, но потолок оказался ниже и декоративная лепнина попроще. По всей вероятности, когда-то здесь жила прислуга. Чистенький коридор встретил тишиной. Пожарная дверь тихонько закрылась, и свет как будто потускнел.

Непонятно почему ей вдруг стало не по себе. Устала да еще это настроение, попыталась объяснить Кэти, но беспокойство не проходило. Ее спины коснулось холодное дыхание, и она оглянулась – кто же там открыл дверь? Но дверь была закрыта.

Кэти взяла покрепче поднос и усилием воли заставила себя пойти по коридору. За одной дверью слышались приглушенные голоса, за другой вещал телевизор. Она приказала сердцу сбавить ход и попыталась посмеяться над собой. *Ты же Кэти Харпер и не станешь нервничать из-за какого-то сквозняка.*

Желтая комната была последней по коридору, и Кэти, удерживая поднос одной рукой, постучала другой в дверь.

Никто не ответил.

Она постучала еще раз и нарочито бодро прокричала:
– Обслуживание номеров!

Дверь качнулась и приоткрылась. Опустив голову – мало ли что может происходить в комнате, Кэти переступила порог.

– Здравствуйте? У вас все в порядке? Я только оставлю поднос и...

Краем глаза она успела заметить что-то. И даже не что-то, а мужчину, лежащего на натертом до блеска полу. Галстук на шее сбился в сторону.

– Сэр? Вы в порядке, сэр? Мистер Коул?

Лежал мужчина как-то странно. Абсолютно неподвижно. Еще не прикоснувшись к нему, Кэти уже знала, что кожа будет холодная. Мало того, холодный воздух как будто распространился от тела вовне, и Кэти ощущала его даже там, где стояла. Поставив поднос на пол, она шагнула к лежащему и опустилась перед ним на колени.

– Мистер Коул? Вы меня слышите? Вы в порядке?

Кэти дотронулась до его руки, потом, вспомнив школьный курс оказания первой помощи, прижала к шее два пальца. Да, кожа была холодная. Как будто только что из холодильника. В широко открытых глазах застыло выражение, которое – Кэти точно это знала – она не забудет никогда.

Холод пополз по пальцам от того места, где они касались шеи, и она еще успела подумать, что так быть не должно, что кожа не может быть такой холодной, но уже в следующий момент ледяная окоченелость распространилась по руке на грудь, внезапно замедлив дыхание. В считанные секунды ее тело остыло, а по голове пробежали иголки. Кэти попыталась отодвинуться, но силы оставили ее. Казалось, только что она стояла возле мертвеца на коленях, держа руку на его шее, и вот теперь безвольно свалилась на пол. Голова мистера Коула оказалась в неприятной близости от ее головы, и сквозь сковавший мертвящий холод пробивались отвращение и страх. Она хотела закрыть глаза, чтобы не видеть его лицо, – и не смогла. Хотела отодвинуться – и тоже не смогла. Глазницы словно промерзли. На лице мистера Коула, которое Кэти видела в профиль, ясно выразились ужас и паника, как будто в последний момент перед ним встал худший в его жизни кошмар.

Она и сама испытала прилив паники. Холод принес страшные воспоминания. *Нет, нет, только не это.* Нечто похожее уже случалось с ней однажды. Тогда она ощутила похожую утрату самоконтроля. Пьяная, со слезами на глазах, она лежала тогда в снегу, и что-то еще лежало рядом. Она чувствовала, как растворяется, как растекается воля. Тогда она поклялась, что никогда больше не допустит такого. Теперь, когда холод продолжал наступать, замедляя и тормозя мысли, она сопротивлялась ему, представляя, что щиплет

себя, представляя боль, удерживая ее, чтобы боль не позволила потерять сознание и рехнуться. Она смотрела на поры на лице мистера Коула и пыталась вспомнить. Нет, никакой магией она не занималась, это точно. По крайней мере, несколько месяцев. Слабость расширялась. Жутко хотелось спать, перестать думать. В глазах начало темнеть. Чей-то голос произнес «О господи», и Кэти подумала, *все хорошо, кто-то пришел*. Силы покинули ее окончательно, и мир погрузился во тьму.

Глава 2

Кэти открыла глаза, и в них хлынул свет. Размытый белый круг постепенно преобразовался в лицо. Над незнакомыми чертами свисали каштановые волосы. Через секунду перестал выплясывать нос, три глаза стали двумя, и рот вытянулся в тревожную линию. В следующую секунду она поняла, что за человек склонился над ней: симпатичный свадебный гость. Тот, что показался ей чужим.

– Слава богу. – Он опустил на корточки. – Вы живы.

Кэти повернула голову и увидела, что по-прежнему лежит рядом с мертвецом. Она попыталась сесть, и молодой человек подался вперед.

– Не надо. Вы могли повредить спину или шею.

– Я не упала, – возразила Кэти. Голова уже гудела, а три произнесенных слова добавили боли, из-за чего думать стало еще труднее. По крайней мере, она могла двигаться и теперь, протянув руку, сжала и разжала пальцы.

– Послушай... – он выпрямился, – мне надо идти. Я пришлю кого-нибудь.

Кэти попыталась распутать запутавшиеся мысли. Она вошла в комнату, увидела человека на полу и вырубилась. Нет, она опустилась на колени, дотронулась до него, а уже потом вдруг обмякла. Кэти подняла голову и моргнула от резанувшего глаза света.

Красавчик был уже у двери, но в последний момент заколебался.

– Ты в порядке, – сказал он, словно убеждая себя самого.

– Он не в порядке. – Кэти указала на мертвеца. – Надо вызвать «Скорую». Ему, конечно, уже не поможешь, но все же. – Поняв, что ее сейчас вырвет, она встала и, хотя комната качнулась и закружилась, направилась в туалет.

Когда Кэти вышла, незнакомец уже исчез, но в коридоре еще звучали его шаги.

Потом она сидела в общей гостиной с чашкой сладкого чая и отвечала на вопросы женщины-полицейского. То ли потому, что включился автопилот, то ли потому, что она не вполне оправилась от обморока, но о случившемся Кэти рассказывала спокойно и методично. Одновременно в голове у нее давал комментарии второй трек сознания. Ни шока, ни огорчения, ни каких-то других, нормальных человеческих реакций она не обнаружила, зато снова и снова ловила себя на мысли: *Что ж, по крайней мере, мой день рождения будет чем-то отмечен.*

Кэти закрыла глаза. Какая ж она бездушная!

Из кухни вышла Джо и, кивнув полицейской, обняла Кэти.

– Ты в порядке?

– Небольшой шок. Но ничего такого.

Джо сжала ее плечо.

– Тебе надо пойти домой. – Она повернулась к полицей-

ской, чье имя Кэти уже успела забыть. – Не задерживайте ее, ладно?

– Есть определенная процедура, которой мы обязаны следовать. – Голос у полицейской был такой монотонный, словно она читала с телесуфлера, но не очень уверенно.

– Не волнуйся, – торопливо сказала Кэти, чтобы не дать Джо возможности поделиться своим мнением насчет их процедуры, и для убедительности улыбнулась. Джо еще раз посмотрела на полицейскую и ушла.

– Итак, – бесстрастно продолжала полицейская, на которую выразительные взгляды Джо не произвели ни малейшего впечатления. – Этим вечером вы заметили что-нибудь необычное?

– Нет, ничего. То есть не считая этого человека. Мистера Коула.

– Мы опрашиваем всех присутствующих на сегодняшнем торжестве и сотрудников отеля, но нет ли кого-то еще, кто мог иметь контакт с мистером или миссис Коул?

Куриный воришка. Вот черт. Если предчувствие не обманывало и он проник на свадьбу без приглашения, то в списке гостей его не будет. Важно ли это? Кэти не видела, чтобы он разговаривал с мистером Коулом, но зачем он тогда поднимался вверх? С другой стороны, если упомянуть о нем, то разговор затянется, а ей хотелось поскорее попасть домой.

Пока Кэти раздумывала, полицейская продолжила идти по своему списку вопросов.

– Какие-то споры? Необычное поведение?

– Это же свадьба, – напомнила Кэти, думая, не выдаст ли ее лицо. – Что значит «необычное»?

В комнату вошел Патрик Аллен и сразу же направился к старшему группы, опрашивавшему кого-то еще на ближайшей софе.

– Я приехал сразу же, как только смог. Я – владелец «Гранджа».

Детектив поднялся, и они обменялись рукопожатием. Кэти унаследовала от тети Гвен не самое позитивное отношение к Патрику Аллену, но в этот момент ей даже стало его жаль.

С торчащими на затылке волосами и серым от беспокойства лицом, он производил впечатление человека, который, чтобы приехать в отель, поднялся с постели. Может, он не такой уж и бессердечный, каким описывала его тетя Гвен.

– Мы не цепь, – говорил Патрик. – В условиях нынешнего финансового климата мы не можем позволить себе такого рода рекламу. – Он говорил с детективом, словно с репортером. – Мне цирк не нужен.

– Вам не о чем беспокоиться, сэр.

Он начал говорить о том, что дело выглядит «самым обычным», но тут они отвернулись, и дальше Кэти уже не слышала.

– Мисс Харпер. – Женщина-полицейский положила на колено блокнот и наклонилась вперед. – Позвольте спросить

вас еще раз. Вы видели, чтобы мистер Коул спорил с кем-либо в течение вечера?

Кэти заставила себя включиться в разговор.

– Почему вы спрашиваете? У него сердечный приступ или что?

– Причина смерти пока не установлена, и мы стараемся получить как можно более полную картину нескольких последних часов мистера Коула.

Эти слова – *нескольких последних часов* – словно повернули какой-то рычажок у нее в голове, и Кэти тут же ощутила захлестнувшую сердце волну печали. Умерший, Оливер Коул, съел лосося на закуску, выпил дорогущего шипучего вина и поболтал с кем-то, не имея понятия, что наслаждается последними часами существования. Она сунула руку под блузку, дотронулась до подвески и вдруг подумала: обладая харперовской интуицией, можно ли быть столь невежественной? Айрис, например, определенно подготовилась к своему уходу: рассортировала бумаги, оставила записи для Гвен... Но лучше ли от этого? Каково знать, сколько секунд осталось отсчитать твоим часам? Кэти вдруг поняла, что не может больше находиться в этой душной комнате. Ей хотелось вернуться домой, лечь и проспять целый день. Может, два. Она снова посмотрела на полицейскую, которая выглядела немного недовольной.

– Больше я ничего вам сказать не могу. Давайте заканчивать.

Женщина скользила взглядом по лицу Кэти, словно определяя, можно ли получить от свидетеля что-то еще.

– Пожалуй, да, пора заканчивать. Если вспомните что-то еще... – Она протянула визитку.

– Я вам позвоню. – Кэти поднялась и быстро, пока полицейская не одумалась, вышла из гостиной и направилась в комнату для персонала за курткой и сумкой. Ее трясло. В какой-то момент ей показалось, что детектив не поддастся на внушение. Легкий гипноз, или суггестия, был одним из базовых умений женщин их рода. Умением таким же естественным и легким, как невинная ложь или предсказание по картам, когда нужно помочь другу принять решение.

Дар этот, свидетельство ее принадлежности к роду Харперов, проявился в четырнадцать лет и стал такой же естественной ее частью, как цвет волос. Что, если все ее умения исчезнут одно за другим? Что, если вместо того, чтобы обрести подлинную силу, она утратит даже то, чем обладает?

Служебный выход находился за кухней, так что Кэти еще успела попрощаться с Джо.

– С тобой точно все в порядке? – нахмурилась Джо. Приглаженные, как у пикси, волосы торчали во все стороны там, где она прищипливала свою белую шапочку. – Держи. – Джо нырнула в огромный холодильник и вынырнула с половиной чизкейка на упакованной в пищевую пленку тарелке.

– Спасибо. – Растроганная вниманием и добротой Джо, Кэти едва не расплакалась и, чтобы никто не увидел набуха-

ющих в глазах слез, торопливо выскользнула из кухни.

Жаркая погода не спешила уходить, и вечер, хотя часы уже показывали начало двенадцатого, оставался теплым. Все окна были зашторены, и на окружавшей отель полосе гравия лежали прямоугольники красноватого света, но подъездная дорога оставалась черным как смоль туннелем.

Год назад она уже советовала Патрику поставить вдоль нее побольше ландшафтных светильников на солнечных батареях, но у него, похоже, в одно ухо влетело, в другое вылетело. Стоило отойти от отеля, как низкие садовые стены и подстриженные кустики преобразились, обрели зловещие формы, и от них повеяло чем-то незнакомым и потусторонним.

В результате Кэти лишь в самый последний момент заметила человека на ступеньках, которые вели вниз с верхней лужайки. Едва не пнув его в спину, она удержала равновесие в последний момент.

– Господи! Ты меня напугал!

– Извини. – Куриный воришка поднялся, и они оказались рядом, слишком близко друг от друга, чтобы чувствовать себя комфортно. Особенно в темном, пустынном саду. Кэти отступила.

Он сделал то же самое, вероятно, ощутив ее тревогу.

– А ты почему шляешься здесь? – Кэти не хотела грубить, но вечер выдался не лучший.

Он махнул незажженной сигаретой.

– Сражаюсь со своим демоном.

– А... – протянула Кэти. – Говорят, от никотина труднее отказаться, чем от героина. Или это кокаин?

Он пожал плечами.

– Почему ты не там? – Она кивнула в сторону отеля. – Полиция хочет поговорить с тобой.

– Наверно, не со мной одним. – Он посмотрел на нее, наклонив голову вбок. – Выглядишь лучше. Чувствуешь себя тоже лучше?

– Ты нашел мертвеца. Значит, ты – ключевой свидетель, или как это у них называется.

– Первой его нашла ты.

– Я на их вопросы ответила, – сказала Кэти. – А ты? Вот молодец. Такой сознательный. Нет, серьезно. Умер человек. Ты должен...

– Предпочитаю не светиться.

Кэти состроила гримасу.

– Не думаю, что им интересно, как ты пробрался без приглашения на свадьбу.

– Заметила, да? – Он достал пачку и засунул в нее незажженную сигарету. – А я-то думал, что был осторожен.

– В глаза не бросалось, но я за тобой следила и... – Кэти смутилась и не договорила. Да и он смотрел с любопытством, что тоже не помогало.

– Интересно, что же ты заметила.

– Ты показался мне чересчур ловким. Только поэтому.

Он ухмыльнулся.

– Кстати, меня зовут Макс.

– Кэти. Так что у нас там большая драма. – Она кивком указала на проступающее в темноте здание.

– Да. – Макс опять сел на ступеньку и положил локти на колени.

– А что ты делал в комнате мистера Коула?

– Всего лишь проходил мимо. Дверь была приоткрыта, я услышал шум.

– Ты его знал? Ну, этого...

– Нет. – Макс быстро покачал головой.

Лжет. Кэти стало не по себе. Конечно, вряд ли он имеет какое-то отношение к сердечному приступу, который сразил беднягу, но однако же... Лжец. Да еще заявился без приглашения на свадьбу. А значит, и воришка вдобавок. И она хороша. Надо было рассказать о нем полиции. Нужно прямо сейчас вернуться и все рассказать. Он, конечно, и им наврет. У него это так хорошо получается.

Нравится ей это или нет, теперь она за него отвечает. Кэти опустила на ступеньку рядом с ним. Близко, даже очень близко. Но так она делала всегда, когда хотела прочитать человека.

Сделав глубокий вдох, Кэти постаралась сосредоточиться и не замечать идущий от Макса аромат.

– Ты имел какое-то отношение к его смерти? – спросила она, пристально глядя на него.

Он нахмурился.

– Ты серьезно?

– Просто ответь на вопрос, – спокойно сказала Кэти.

– Нет. – Макс скривил губы. – Не имел я никакого отношения.

Да, он говорил правду. Слава богу. Дело было не в тоне голоса, не в том, как встретились их глаза, а в чем-то еще. В уверенности. Еще один харперовский дар, очень даже практичный.

– Извини. – Она расслабилась и улыбнулась. – Похоже, меня немного потрянуло.

– Вполне понятно.

– Должно быть, это случилось, когда я нашла его. Минут за двадцать до этого Коул позвонил в обслуживание номеров. Но когда я пришла, он был совсем холодный. – Странно. Может быть. Сколько нужно времени, чтобы тело остыло? Кэти с натугой сглотнула – ее опять затошнило.

– Господи. Не самая приятная сцена.

– Да уж, – вздохнула Кэти.

– Неудивительно, что ты вырубилась. Но сейчас-то все о'кей? Вид у тебя бледный.

– Я всегда такая. – Кэти начала разворачивать чизкейк. Вот что ей нужно. Немного сахара, чтобы получить заряд энергии и дойти до дома. – А ты откуда его знаешь? Мистера Коула? Вы были знакомы?

– Я же сказал. Не знаю и не знал.

Кэти вскинула бровь.

– Будешь врать – чизкейка не получишь.

– А почему ты думаешь, что я вру?

Она улыбнулась.

– Я знаю, когда люди говорят правду. Такой дар.

Макс подался назад и пристально посмотрел на нее.

– Напомни, чтобы я не садился играть с тобой в покер.

– Ну? – Кэти отломил кусок чизкейка. Мягкий, тающий, восхитительно вкусный. Она даже закрыла глаза, наслаждаясь сливочным совершенством, а когда открыла их, Макс смотрел на нее с каким-то странным выражением. – Что?

Он качнул головой.

– Коул задолжал мне денег.

– Много?

– Немало. – Макс потянулся к тарелке.

Кэти отодвинула ее подальше.

– А почему он тебе задолжал?

– Ты играешь в покер?

– Нет. – Сахар уже действовал, слабость и головокружение уходили. – Раньше я постоянно играла с папой в джин. Мне нравится вист, но вдвоем в него не играют, а мама у нас не картежница.

Пока Кэти говорила, Макс незаметно подтянул тарелку и оторвал кусок чизкейка.

– Ты же знаешь, я не живу в отеле, так?

– Так.

– Я здесь проездом. Есть дорожные расходы. Бензин. Но-

чевки.

– Еда. Ты же не всегда попадаешь на чью-то свадьбу. – Кэти помолчала. – И тебе постоянно сходит с рук?

– Не совсем. Я предпочитаю корпоративы, но большие свадьбы легче. На таких мероприятиях мало кто знает всех. В разговоре важно первым спросить собеседника, с чьей он стороны, и если он говорит, что со стороны жениха, то ты говоришь, что знаком со стороной невесты. Главное – избежать счастливую пару.

Кэти покачала головой.

– И все ради бесплатного ланча?

– Обычно я играю в покер в казино, но иногда их трудно найти, так что я проверяю заведения вроде этого, прихожу, знакомлюсь и немного играю. На деньги.

– И ты смошенничал и выиграл?

– Нет. Ну, не совсем. – Макс посмотрел на чизкейк. – Может быть, чуть-чуть.

– И он умер раньше, чем ты забрал обманом выигранные деньги. Какой ты гадкий. – Кэти поднялась. – Собираешься задержаться в городе?

– Ага. В уютненькой «Кози инн». – Макс завернул остатки чизкейка и тоже поднялся. – Провожу тебя до дома.

Кэти чуть не рассмеялась.

– Спасибо. Я сама. – Она же Кэти Харпер. Последняя в долгой череде вещуний. Практически ведьма, а значит, тьма ей не страшна.

– Ладно. – Макс пожал плечами. – Можешь меня проводить домой.

– Хорошая попытка, – сказала Кэти, но спорить не стала, поскольку им обоим нужно было пройти по подъездной дорожке. Пришлось бы переходить на нелепый быстрый шаг, а это выглядело бы не очень достойно. К тому же высокие деревья вдоль дорожки не пропускали лунный свет, и Кэти, хотя ей и не хотелось в этом признаваться, после встречи с мертвецом немного нервничала. Отвлечься будет не лишним.

– Так, значит, ты шулер. Надо признаться, я с такими еще не встречалась.

– Небольшой перебор. Да, я играю, но не очень много. Иногда выигрываю, иногда проигрываю.

– Но Оливера Коула ты облапошил?

– Жаль, ты его не знала. Да, о мертвецах плохо не говорят, но этот Коул был тот еще хрен.

– Ты же сказал, что был едва знаком с ним.

Макс отвернулся.

– Я в людях неплохо разбираюсь.

Дорожка повернула к главной дороге, и Кэти подумала, что почувствует себя лучше, как только треклятые деревья останутся позади. В этом темном туннеле у нее начиналась клаустрофобия.

– Итак, что же там, по-твоему, случилось? Я слышал, кто-то упоминал сердечный приступ.

Перед глазами всплыло застывшее лицо мистера Коула, и Кэти с усилием сглотнула. Выглядел он испуганным.

– Не знаю. – *Ничего хорошего.*

Кэти моргнула, отгоняя нежеланный образ.

– Почему ты путешествуешь в наших краях? По-моему, люди предпочитают другие места – Венецию, Париж и тому подобное? Но не Уилтшир.

Макс рассмеялся.

– Да это и путешествием назвать трудно. Так, бродяжничество.

Они достигли конца дорожки и остановились на краю холма, откуда начинался спуск в город. Огни Пендлфорда светились в темноте, словно созвездие. Река лежала черной бархатной лентой. Вскоре они оказались на обычной улице с фонарями, и Кэти успокоилась.

– Одинокий бродяга. У тебя друзья есть?

– Много. – Макс криво улыбнулся, но больше ничего не сказал.

Они шагали по ярко освещенным улицам. Все было хорошо, и Кэти даже укорила себя за мгновение слабости. Да, увидела мертвеца и упала в обморок. Неприятно, немного неловко, но это не причина расклеиваться.

– Ну что ж. – Кэти протянула руку. – Приятно было познакомиться.

– Провожу тебя до дома.

– Здесь уже недалеко. Со мной ничего не случится. «Ко-

зи инн» вон туда. — Она указала в противоположном от ее квартиры направлении.

— Ты уверена? Мне как-то не хочется отпускать тебя одну.

— Поверь, в Пендлфорде я в полной безопасности.

Все в городе знали, что она — племянница Гвен Харпер, и половина жителей боялись ее проклятия. На случай же встречи с придурком, обуянным жадой смерти, или невежественным чудаком у нее имелось защитное заклинание собственного приготовления. Конечно, с заклинаниями у нее выходило не очень, поэтому она также носила кое-что более практичное.

Макс все еще колебался, определенно проникшись вдруг неуместными идеями благородства. Кэти вынула баллончик спрея.

— Вот что у меня есть. Видишь?

— А это легально? Я думал...

— Это ненастоящее. — Спрей представлял собой какую-то липкую субстанцию, и ее американская подруга Эллисон смеялась добрых десять минут, когда узнала, что баллончик выстреливает клей, но зато на нем четко проступали большие буквы МАСЕ. И вообще, ультрафиолетовый клей лучше, чем ничего. Особенно если прыснуть им в глаза.

Макс посмотрел в форсунку и отступил еще на шаг.

— Выходит, доверия я не заслужил?

— Только не сегодня. — Кэти снова протянула руку, и Макс пожал ее. Рука у него была красивая, отметила она почти

против воли. Длинные пальцы, узловатые суставы, идеальные размеры. Большая, сильная, но и изящная. Не лапа, как у гориллы, хотя ее ладонь утонула в ней. – Приятно познакомиться, Макс. Всего тебе хорошего.

Он посмотрел на нее оценивающе.

– Знаешь, а ты ведь не больно приветливая.

Теплое чувство, появиться которому она только что позволила, улетучилось. *Почему эти красавчики всегда такие мудаки?* Кэти вздохнула.

– Почему мужчины считают женщин неприветливыми, если те не падают к их ногам?

– Ладно, ладно. – Он повернулся. – Ухожу.

Кэти смотрела ему вслед, говоря себе, что всего лишь хочет убедиться, что он не намерен преследовать ее, но в глубине души желая увидеть его еще раз.

В квартире Кэти с облегчением сбросила туфли и стащила колготки. Хотела пойти в душ, но за глазами уже пульсировала боль. Проглотив две таблетки парацетамола, она потащилась к кровати, но когда легла, комната закружилась, напомним тот единственный случай, когда она напилась.

Воспоминание не самое приятное, но, по крайней мере, оно отодвинуло события вечера. Кэти закрыла глаза. Адреналин растекался по телу, под кожей покалывало, а в голове прыгали, меняясь, разные образы. Похоже, ее ждала долгая бессонная ночь.

Глава 3

Застывшее, холодное лицо Оливера Коула снова и снова вставало перед Кэти, так что когда она уснула наконец и обнаружила себя в верхнем коридоре «Гранджа», перед Желтой комнатой, то особенно и не удивилась. *Я не совсем сплю. Я вижу сон, но знаю, что это не наяву. Чудно.*

Она вошла в комнату, зная, что увидит тело, лежащее наполовину на ковре и наполовину на полированных половицах. Но тела не было. Она повернулась – по ощущениям очень медленно – и оглядела комнату. Все выглядело нормально. На кровати – открытый чемодан. Она прошла к нему. В чемодане мужские вещи: дорогие брюки и аккуратно сложенные рубашки. На прикроватном столике – книга и футляр для очков, стакан для воды со следами пальцев, смятая салфетка. В туалете спустили воду, и Кэти обернулась, внезапно встревожившись. Инстинктивно захотелось спрятаться – ведь она оказалась в номере мужчины. Пусть даже и не по своей воле. Пусть даже и во сне.

Кэти шагнула к стене рядом с дверью в туалет и ванную, чтобы дверь, открывшись, скрыла ее. Оливер Коул, живой и здоровый, прошел к кровати. Плотный, выше, чем ей запомнилось. Хотя, конечно, она видела его лишь лежащим на полу. Он начал снимать рубашку, и Кэти запаниковала. Ей вовсе не хотелось смотреть, как раздевается этот мужчина.

Всей душой она хотела изменить сон, но он не менялся, поэтому она вышла из-за двери и быстро, насколько это позволяли заторможенные сном ноги, направилась к выходу.

Оливер удивленно оглянулся, на лице его отразился ужас, но уже в следующее мгновение он схватился за горло и захрипел, глаза выпучились и наполнились кровью из лопнувших сосудов. Кэти узнала это выражение, вспомнила, что видела его. Горло сжалось, словно от жалости, и... она вдруг проснулась. У себя в квартире. В своей постели. Со сжатыми в кулаки руками, задыхаясь, как будто после бега.

Солнце пробивалось сквозь шторы, и часы показывали далеко за девять.

После нескольких чашек кофе Кэти собралась с силами и отправилась на работу. «Грандж» был лучшим отелем в Пендлфорде. Располагаясь на окраине города, на холме, он будто смотрел на город надменно, сверху вниз. Может быть, и так, учитывая, что в семнадцатом веке это был главный дом большого поместья. В ярком солнечном свете он выглядел так же, как всегда, и ничто не указывало на то, что накануне здесь случилось нечто непристойное. Обойдя отель, Кэти подошла к служебному входу, когда дверь открыла Анна, державшая в руках бочонок с кулинарным маслом.

– Господи, я уже слышала, что случилось. – Анна поставила бочонок на землю и торопливо обняла подругу. – Ты-то как?

– В порядке. Я в порядке.

– Все только об этом и говорят. И будь осторожна. Здесь Патрик, и он не хочет, чтобы посторонние что-то узнали.

Кэти кивнула и постаралась пройти мимо Анны, которая смотрела ей в глаза, будто ждала чего-то.

– Точно все в порядке? Я в том смысле, что ты же нашла мистера Коула...

– Конечно. – Ответ, к огорчению самой Кэти, прозвучал сухо и бесстрастно.

Анна вроде бы собиралась сказать что-то еще, но потом просто тронула Кэти за руку и повернулась.

Смена прошла довольно быстро. В отеле все говорили, что мистер Коул определенно умер от сердечного приступа, но было ли это слухом или официально подтвержденной версией, Кэти не знала.

Она прошла по нижним номерам, собирая брошенную посуду, поправляя коврики, меняя воду в вазах с цветами. Ей нравилось работать в «Грандже», нравился порядок, в котором она чувствовала себя на своем месте. Кэти не хотела бы заниматься этим всегда, но было приятно сознавать, что у нее что-то хорошо получается.

На мгновение растерявшись, Кэти решила проверить библиотеку. «Мопсы» постоянно разбрасывали газеты, а то и забирали их с собой. Открыв дверь, она увидела босса, который сидел на обтянутой золотистой парчой софе, обхватив

голову руками. На кофейном столике стоял открытый ноутбук. Босс, наверно, работал, но Кэти уже прошла слишком далеко, чтобы возвращаться. Он поднял голову и, смутившись, выпрямился.

– Здравствуйте. Чем могу...

– Нет, нет. Я только...

Он поднялся, провел рукой по волосам.

– Проверяю счета. В четверг будет Бет, но... Ну, сама знаешь.

Кэти знала. Ее отец управлял собственным бизнесом, и бухгалтерия стала бичом всей его жизни. Как и работа сче- том-фактурой. Или платежи. Все то, что было связано с деньгами. И ее тетя Гвен тоже была самозанятой. Она годами владела торговым местом «Забавные мелочи», но в последнее время ее дела пошли в гору: она продавала свои работы через галереи и время от времени получала заказы. Из всего этого Кэти извлекла один урок: она хочет работать по найму. Или мгновенно добиться успеха и нанять команду бухгалтеров и администраторов, чтобы они занимались всеми этими делами. Она сочувственно улыбнулась Патрику и направилась к выходу.

– Что там в ресторане? – спросил вдруг Патрик. – Знаю, наполняемость сейчас невысокая, но люди же приходят?

– Все не так уж плохо. – Кэти не хотела говорить то, что уже давно заметили официанты: год назад в это время приходящих на ланч клиентов было намного больше.

– Хорошо, хорошо, – рассеянно проворчал Патрик, и Кэти продолжила движение к двери. Она уже почти достигла рубежа безопасности, когда он сказал: – Найдите Джо, хорошо? Пусть проверит то специальное меню, чтобы оно было готово после представления Грегa Бартонa.

– Хорошо. – Кэти даже думать не хотелось о Грегe Бартонe и его нелепом представлении. Она никак не могла представить, что Патрик Аллен заказал для своего любимого заведения нечто столь вульгарное.

– Лучше бы я договорился с вашей тетей, – продолжал Патрик. – Наверняка обошлось бы намного дешевле.

Кэти не ответила. Мысль о том, что Гвен устроит в ресторане psychicstage, была столь смехотворна, что не заслуживала ответа.

Патрик закрыл ноутбук и собрал лежащие рядом бумаги.

– Вообще-то пойду-ка я и поговорю с Джо. – Он снова посмотрел на Кэти. – У вас не перерыв?

– Вроде бы нет. – Кэти показалось, что на руку ей села муха.

Патрик продолжал критически смотреть на нее.

– Отдохните минут пять. Не хочу, чтобы люди думали, будто я заставляю своих служащих перерабатывать.

Кэти опустила глаза. Волоски у нее на руке стояли дыбом, но и все.

Продолжая бормотать что-то о меню ланча, Патрик вышел из комнаты. Косые лучи света, проходившие через

небольшие стеклянные панели внизу окна, казались жесткими и холодными, что никак не вязалось с изнуряющей жарой снаружи. Голова все еще болела после вчерашнего обморока, и чувствовала себя Кэти как-то странно.

Она хотела быть женщиной умелой и мудрой, как теть Гвен. Целительницей. Составительницей заклинаний. Устроительницей. Не жертвой. И уж определенно не нежным викторианским цветком, которому при виде трупа требуется поднести ароматическую соль и ослабить корсет.

Кэти посмотрела на дубовые панели; интересно, сколько обмороков, корсетов и тому подобного видели они? Может быть, и несколько. Она скользнула взглядом по высоким книжным шкафам. Возможно, в прежние дни присутствие женщин в библиотеке не поощрялось. В те времена считалось, что учение вредно для женщин и что романы разлагают неокрепшие женские мозги. Интересно, подумала Кэти, что сказали бы дубовые панели о ее полках, заставленных громадными томами по гербализму и местной истории, но потом спохватилась, что отвлекается, и решила, что, наверно, действительно ударилась головой, когда упала.

Может быть, Патрик был прав и ей на самом деле требуется небольшой перерыв. Она откинулась на спинку кресла, широкие крылья которой обеспечивали дополнительный комфорт, и уже через несколько секунд глаза ее закрылись. Погрузившись в восхитительное ощущение уюта, Кэти перенеслась в состояние дремоты, промежуточное между сном и

вяью, из которого ее вырвал внезапный порыв прохладного ветерка.

Впечатление было такое, словно в зимний день где-то открылась и закрылась внутренняя дверь. Холодный воздух быстро рассеялся в тепле комнаты. Кэти огляделась, но дверь и окна были закрыты. К тому же на улице было так сыро и тепло, что создать холодный сквозняк без кондиционера было просто невозможно. Она ощутила запах трубочного дыма и снова огляделась. Никого, но у нее вышло полное впечатление, что кто-то только что закурил трубку. Трубку курил ее дед, и Кэти хорошо помнила густой и ароматный, почти сладкий табачный запах, совершенно отличный от сигаретного.

Так или иначе, Зофия будет рвать и метать. Она терпеть не могла не столько курильщиков, сколько гостей, которые не подчинялись правилам отеля. Кэти подумала, что стоило бы, наверно, пойти и отыскать нарушителя, но потом снова опустилась на мягкие подушки. Как же она устала. Холодно. У нее даже руки покрылись гусиной кожей. Запах дыма усилился, но его сладость уже воспринималась не как приятная, а как тошнотворная. Ощущение было такое, словно кто-то намеренно выдувал трубочный дым ей в лицо. Она затаила дыхание и огляделась по сторонам, щуря глаза, словно это могло помочь увидеть невидимое.

Ничего. Ничего и никого. Наверно, просто усталость. Дверь вдруг распахнулась, и в комнату, громко споря, вошли

мальчик-подросток и его отец. Увидев Кэти, мужчина осекся и замолчал.

Налепив рабочую улыбку, она прошла мимо гостей в теплый холл рецепции, где ощутила странное облегчение, словно спаслась от чего-то темного, выступив из тени на солнечный свет. Здесь Кэти сделала несколько глубоких вдохов, вытесняя запах трубочного дыма ароматом свежесрезанной травы.

С тех пор как ей исполнилось четырнадцать, Кэти каждый вторник навещала свою тетю Гвен в Эндхаузе. Пропуски, конечно, случались – дни рождения, праздники, болезни, но за семь лет эти визиты стали в ее жизни константой. Открыть калитку, услышать знакомый скрип, вдохнуть густой аромат лаванды, пройти по тропинке – все это так успокаивало нервы. Да, пусть не все идеально, но ведь все и не так уж ужасно. Кэти решила, что не станет рассказывать тете о том, как упала в обморок. Наверно, дело в жаре и шоке от увиденного в номере мистера Коула, но теперь-то все в порядке. Не надо волновать Гвен, с нее хватит.

А вот о кошмаре поведать можно – избавиться от странных чувств, поделиться проблемой и поставить точку. А если нет, то, может быть, Гвен даст заклинание, чтобы ей не снился больше мистер Коул.

Кот, увидев гостью, соскочил с садовой стены и закружил у нее под ногами. Кэти наклонилась погладить любимца и

услышала доносящиеся из дома голоса. Гвен и Кэм разговаривали в кухне, а дверь открыли, наверно, чтобы проветрить в комнате.

– Я не виноват, – говорил Кэм. – Хочешь сказать, это я?

Кэти выпрямилась. Подслушивать нехорошо, тем более частный разговор. Она хотела как-то заявить о своем присутствии, но подать голос не смогла, потому что вдруг почувствовала себя виноватой, хотя и не сделала ничего плохого. Кот побежал вперед, протиснулся в щель, и дверь распахнулась.

– Я хочу этого точно так же... – Кэм не договорил и повернулся к двери.

– Привет! – бодрым голосом возвестила о себе Кэти. – А я мороженое принесла.

Гвен стояла спиной к раковине с вытянутым несчастным лицом.

Кэм улыбнулся из другого конца кухни, но улыбка получилась вымученная.

– Мятное?

– Да. И с вареной сгущенкой. – Не глядя на Гвен и Кэма, Кэти выгрузила на стол содержимое сумки. Посыпав мороженое шоколадной крошкой, Кэм поцеловал Кэти в макушку.

– Оставляю вас с вашим котелком.

– Смешно, – сказала Кэти.

Кэм поднялся наверх, Кэти и Гвен засели за мороженое,

атмосфера понемножку смягчилась, и Кэти расслабилась.

– Что хочешь на этой неделе? – На столе перед Гвен уже лежал открытый блокнот. – Ты уже практиковалась с анютинскими глазками?

Кэти наморщила нос. Как она ни старалась, приготовить лекарство не получалось. Похоже, ей просто было не суждено стать целительницей, как Гвен, и пусть бы так, да вот только она до сих пор не знала, в чем ее призвание.

– Нужно практиковаться, – продолжала Гвен. – Такое нельзя делать наполовину. Все или ничего.

– Знаю. – Она села к столу и приготовилась следовать инструкциям по приготовлению крема для ног мистеру Байрсу. Окончательный продукт имел правильный цвет, но вместо того, чтобы быть вязким, получился жидким.

Гвен задумчиво уставилась на растекающийся крем.

– Даже не знаю, что здесь не сработало.

– Я ни на что не гожусь. – Кэти в отчаянии откинулась на спинку стула.

– Неправда. – Гвен потянулась. – Может быть, ты просто отнеслась к делу бездушно. Попробуешь что-то еще или на сегодня хватит?

Кэти подалась вперед. Вдохнула.

– Но я стараюсь. И душу вкладываю. Стараюсь изо всех сил.

– Я знаю, милая, что ты стараешься. – Гвен подобрала неудачный экземпляр, бросила в пластиковый пакетик и за-

вязала шнурок. – Но иногда старания недостаточно.

– Печально.

– Извини. – Гвен опустила пакетик в мусорную корзину. – Но печалиться не надо. Если оно нужно тебе по-настоящему, ты продолжишь, не бросишь, а если оно нужно не очень, то ты забросишь одно и возьмешься за другое, за то, что потребуется по-настоящему, за что-то хорошее.

– То есть ты считаешь, что мне не стоит этим заниматься? – Ну вот, мысль, которой она избегала. Если она не получит силу, дар, если она бесполезна как целительница, то у нее просто нет места. Нет цели. Кэти уже видела, как будущее закрывается перед ней, словно наступающая на тропинку густая чаща.

– Я понятия не имею, чем тебе стоит заниматься, – с бесстрастным лицом заявила Гвен.

– А я тебе не верю, – возразила Кэти. Быть рядом с мудрой женщиной дело нелегкое. Всегда присутствует чувство, что она знает больше, чем говорит, отсюда – возмущение и обида.

Иногда, лишь иногда, Кэти понимала, почему люди настоятельно относятся к ее семье.

– Послушай, – Гвен включила чайник и повернулась к племяннице, – у меня то же самое было с матерью. Она обучала меня и каждый день твердила, что моя судьба – быть такой, как она. В конце концов я просто сбежала. Я не собираюсь повторять ее ошибку и объяснять, как тебе поступить

со своей жизнью. Невозможно решать за других. Это так не работает.

– Ты постоянно помогаешь людям. Поэтому они идут к тебе.

– Это другое. Одно дело помогать людям, и совсем другое говорить, что им делать.

– Но ведь бабушка оказалась права, разве нет? Ты вернулась, и все наладилось. Вы с Кэмом вместе, у тебя есть дом и своя жизнь, ты счастлива. Я не хочу никуда убегать.

Гвен улыбнулась, но осталась печальной.

– Это не карта. Ты не можешь пойти по моим следам, тебе нужно прокладывать свою дорогу, самой принимать решения. Может быть, тебе стоит уехать из города, немного попутешествовать, увидеть мир.

Кэти почувствовала, что вот-вот расплачется.

– Почему ты меня отталкиваешь?

– Я тебя не отталкиваю. Клянусь. Я только хочу, чтобы ты была счастлива.

– Ты просто думаешь, что я ничего не могу. – Кэти знала, что ведет себя как ребенок, что голос звучит жалобно, с обидой и слезливыми нотками, но ничего не могла с собой поделать.

– Неправда. Я лишь думаю, что ты слишком долго толкаешься в эту дверь и что, может быть, пора попробовать другую.

– Ладно. Я поняла. – Кэти поднялась и схватила сумку.

– Не уходи, – сказала Гвен. – Давай посмотрим кино или еще чем-нибудь займемся.

– Нет, я устала. Увидимся еще.

– Кэти. – Гвен пересекла комнату и встала перед задней дверью. – Пожалуйста, не сердись. Я только стараюсь помочь.

– Знаю. – От этого было только хуже. Настоящей Харпер из нее не получилось. Она была всего лишь нуждающимся в помощи клиентом.

– Останься, – попросила Гвен. – Я даже разрешу тебе брать фильм.

– Нет настроения. – Кэти торопливо обняла тетю и аккуратно шагнула мимо нее к двери.

Гвен еще раз окликнула племянницу, но Кэти уже вышла и останавливаться не стала.

Обида и злость гнали Кэти вперед, и она шагала все быстрее и быстрее, не замечая, как горячит и вышибает пот теплый вечерний воздух, как глотком супа ощущается каждый вдох. Вскоре она свернула с главной дороги в город и оказалась в лабиринте мощеных улочек, составлявших крохотный центр. Ей попадались знакомые лица людей, большинство которых она знала по именам. Такой был город, Пендлфорд. Тесный.

Она – Харпер. Придет день, и она будет жить в большом доме, как Гвен, раздавать советы и заклинания. Какой-то

мужчина с собакой на поводке кивнул ей, и она кивнула в ответ. Конечно, для начала нужно достичь успеха в составлении заклинаний и приготовлении лекарств. Кэти знала, что у нее получится, что она достигнет вершины. Знала, что будет править миром или делать что-то столь же потрясающее, но всегда представляла, что ее путь к вершине – это колдовство. И вот теперь у нее возникли сомнения.

Возле двери Кэти задержалась, чтобы погладить живущего на первом этаже кота. Кот зашипел и запрыгнул на ближайшую стену. Ничего особенного. Пусть Кэти и не была самой лучшей ведьмой, но животных она понимала и теперь постучала в дверь хозяина кота, мистера Дэвиса. Ответа не было. Кэти написала записку – она беспокоится, что кот плохо себя чувствует, что у него могут быть глисты, и его надо проверить у ветеринара, – и подсунула ее под дверь.

Наверху ей понадобилось несколько попыток, чтобы отпереть дверь, – дрожала рука. Ее вообще знобило, да так сильно, что зуб на зуб не попадал. Она достала из холодильника пиццу, но пока готовила, аппетит пропал. Кэти всегда нравилось жить одной, но сейчас квартира казалась слишком тихой. Хорошо бы кто-нибудь оказался рядом. Например, Анна. Она бы приготовила чашку «лемсипа» и отпустила пару грубоватых шуток – проверить, бредит она или нет.

Завернувшись в одеяло, Кэти устроилась на софе и включила *«Леди Еву»*. По крайней мере, одна положительная сторона в простуде все же есть. Возможно, именно поэтому у

нее и не получился крем для Фреда Байрса. И вот почему она упала вчера в обморок и чувствовала воображаемый трубочный дым. Обонятельная галлюцинация, вызванная жаром, вот что это было. Надо будет поискать утром в «Гугле». Успокоив себя такими рассуждениями, Кэти уснула.

Гвен отставила стеклянные посудины и перевесила пучок окопника и лабазника на деревянную сушилку, которую Кэм соорудил на кухне. Над миской с кремом для ног она задумалась. Почему у Кэти ничего не получилось? Крем разделился на составляющие, и масляная эмульсия лежала на прочих ингредиентах, словно отторгнутая ими. У самой Гвен такого никогда не случалось.

Она вывернула месиво в мусорное ведро и вымыла миску. Что бы еще придумать для Кэти? Траволечение определенно не ее сильная сторона, но как научить чему-то другому, Гвен не знала. Сама она чаще всего полагалась на опыт и интуицию; умение находить вовремя нужные слова. Ее магия складывалась из психологии и здравого смысла. На что в своем возрасте рассчитывала Кэти, этого Гвен не понимала. Сама она в двадцать один год вряд ли отыскала бы собственную задницу, не говоря уж о том, чтобы дать мудрый совет. Но поговорить об этом с Кэти, убедить ее не получалось. Племянница не могла и не хотела ждать. Гвен хотела, чтобы девушка расслабилась, насладились жизнью, юностью, но знала, что Кэти и слушать ее не станет.

Дверь в холле открылась, и секундой позже Кэм обнял Гвен за талию, мягко притянул к себе, прижал к груди и, уткнувшись лицом в шею, глубоко вдохнул.

– Что за запах?

– Крем для ног. – Гвен видела в оконном стекле, как Кэм целует ее в шею, и ощущала отклик на ласки своих нервных окончаний. В уголке стекла пролегла трещинка, напоминающая о еще одном несделанном деле.

– Не думаю, – шепнул ей в ухо Кэм.

Гвен увернулась от щекотки и, подталкиваемая внезапно вспыхнувшей потребностью двигаться, схватила посудное полотенце и принялась вытирать чашку.

Кэм погладил Кота, ходившего восьмерками у него между ног.

– Кэти уже ушла?

Гвен привалилась к столу, прижала чашку к животу.

– Расстроилась. У нее ничего не получается, раз от разу только хуже и никаких улучшений.

– Почему она не займется чем-то еще? Ей бы подумать и...

– Знаю, – прервала его Гвен. – Я бы тоже этого хотела. И Руби с Дэвидом были бы на седьмом небе от счастья, но ее же с места не сдвинешь. Убеждена, что ей нужно учиться у меня. Слишком серьезно относится ко всему этому харпоровскому наследию. Это и хорошо...

– Но на этом не нужно заикливаться, – вставил Кэм.

Гвен отвернувшись, поставила чашку на бок. Кэм старался, но так и не смог по-настоящему понять, что это такое. Он не был Харпером. Он никогда не просыпался, чтобы обнаружить, как его жизнь изменила сила, внешняя и вместе с тем полностью ставшая частью тебя. Он никогда не ощущал, как вспыхивает внутри и разгорается искра силы. Кэм принимал ее магию, ее способность находить утерянные вещи и готовить необычайно эффективные травяные лекарства; он мирился с тем, что днем и ночью горожане приходят в Эндхауз за помощью, и Гвен не может прогнать их, но должна помочь советом, заклинанием или кремом для ног. Кэм соглашался, поддерживал, но магия не была частью его самого. Как бы ты ни был близок к другому человеку, в его шкуре ты не окажешься никогда. Ты всегда одинок.

Задумавшись, Гвен не сразу поняла, что Кэм спрашивает ее о чем-то.

– Извини, что?

– Выпьешь? – Кэм держал бутылку красного вина и уже отвинчивал колпачок. Гвен слышала хруст и уже машинально произвела подсчет. Месячные только-только прошли, так что беременной она быть не могла. Значит, опасаться нечего. При желании можно допить до потери памяти.

– Налей побольше, – сказала она, делая вид, что не видит его вскинутых бровей и улыбки. Тысяча неприятностей давили на макушку, и она чувствовала давящую тяжесть каждой. Как тут придешь в хорошее настроение. Гвен покорно

взяла протянутый стакан.

На следующее утро Кэти все еще знобило, но объяснить свое состояние гриппом она не могла. Ей просто было холодно. Казалось, рядом с ней стоит нагнетательный вентилятор, который гонит и гонит в ее сторону холодный воздух. И даже хуже – словно она сама стоит внутри этой огромной воздуходувки. Привыкнув к такому странному ощущению, можно было бы даже получать удовольствие. Ведущий прогноза погоды на радио уже сообщил бодрым голосом, что сегодня их ожидает еще один жаркий день, а у самой Кэти после завтрака начиналась сорокавосемичасовая смена в отеле.

Главная дорога из Пендлфорда была в утренний час забита спешащими покинуть город машинами. Люди, отправлявшиеся на работу в Суиндон, Бат или Бристоль, сидели в металлических коробках, пытаясь убедить себя и других, что очарование старинного городка оправдывает эти безумные утренние и вечерние поездки. Кэти воспользовалась старой фермерской дорогой, путешествие по которой добавляло заряд бодрости. Подавать «мопсам» готовые завтраки работа не самая увлекательная, но ты, по крайней мере, не заточен в офисный закуток.

Пышные зеленые кусты разрослись так, что нависали над узкой дорогой. Густая коровья петрушка, из-за которой обочины выглядели так, будто занесены снегом, отступала под натиском полевого мака.

Пройдя с полмили, Кэти заметила нечто странное. Ее окружала тишина. Не щебетали птицы. Оглядевшись, она вообще не увидела ни одной. Ни крапивников, ни лазоревок, ни ласточек. Кэти подняла голову, ожидая увидеть повисшего в голубом небе канюка, распугавшего пернатую мелочь, но небо пустовало.

Встревоженная этой странностью, Кэти огляделась повнимательнее. Снова, как недавно, она ощутила пугающую незащищенность. Бессилие и непонимание раздражали и сводили с ума. Гвен наверняка бы знала, почему умолкли и попрятались птицы. Может быть, тому есть разумное, совершенно естественное объяснение, или же существует некая магическая причина – в любом случае Кэти ничего не понимала. Словно брошенная на волю волн, она дрейфовала между двумя мирами. Прекрасно сознавая, что магический мир существует, она не могла стать его частью из-за недостатка сил или знаний. Она знала достаточно, чтобы бояться, и слишком мало, чтобы чувствовать себя в безопасности.

А потом Кэти увидела ее. Сороку, сидевшую на заборе из проволочной сетки в нескольких метрах впереди. Сорока смотрела прямо на нее.

– Доброе утро, мистер Сорока, – поздоровалась Кэти, понимая, что ведет себя нелепо. Но в том-то и проблема с суеверием: трудно определить, которое основано на факте.

Сорока не шевельнулась, но продолжала внимательно наблюдать за девушкой. Кэти ожидала, что птица не выдержит,

взмахнет крыльями и улетит, но та не дрогнула. Да, она переступала с лапки на лапки, трепыхала крылом, но оставалась на месте. Как странно, подумала Кэти, и в этот момент ее отвлек хлынувший через нее поток тепла утреннего солнечного тепла. Облако холодного воздуха исчезло, и Кэти даже остановилась от неожиданности. Только привыкла к холодку и вдруг получила все тепло дня. Даже жженым запахло. Как будто спичкой чиркнули. А потом с ней заговорила сорока.

– Часы. Мои часы. Мои часы.

Кэти уставилась на птицу. Да, сороки умеют имитировать звуки, но здесь были не просто звуки, а слова. Произнесенные четко и ясно.

Она едва удержалась, чтобы не сказать «пардон?» сороке. Возможно, у нее все же грипп. Кэти потрогала лоб, пытаясь определить, есть ли температура.

– Мои часы. Мои часы, – снова проговорила птица, словно напоминая о чем-то срочном, умолая. Сорока смотрела на нее так, будто хотела, чтобы Кэти что-то поняла. И она поняла.

– Мистер Коул?

Птица кивнула.

– Мои часы.

– Что такое с вашими часами?

Сорока пискнула и улетела.

Глава 4

В Эндхауз Кэти ввалилась через заднюю дверь. Позвонив с дороги на работу, она сказалась больной, сменила курс и зашагала в сторону Эндхауза.

Мобильный загудел ровно в тот момент, когда Кэти наполовину вошла, наполовину вбежала в дом. Она остановилась. Звонила Анна.

– Пожалуйста, скажи, что ты не по-настоящему заболела. Я вечером хотела в паб пойти.

– Не по-настоящему, – отдуваясь, ответила Кэти. – Извини, что подвела. Как вы там справитесь с завтраком?

– Все нормально. Здесь почти никого нет. Ты что, бежишь?

– Иду к Гвен.

– Фамильные секреты?

– Вроде того, – неохотно призналась Кэти. Что бы ни говорила Анна, какой бы понимающей ни казалась, общение с ней давалось нелегко. Гвен в таких красках расписывала опасности излишней откровенности в том, что касалось магии, но было кое-что еще: Кэти постоянно ждала, что однажды Анна поймет, какая из нее негодная подруга. Поймет, что никакая странность того не стоит. Кэти хотела быть честной и искренней, не хотела жить во лжи и закончила тем, что стала уклончивой и осторожной.

Ворвавшись в Эндхауз через заднюю дверь, она крикнула:
– Гвен!

– Что случилось? – Гвен встретила ее в голубом шелковом халате, с торопливо собранными в хвост волосами и с миниатюрным коником-качалкой в руке.

– Извини, ты работаешь. – Кэти попыталась приглушить панику, сформировать из нее что-то управляемое.

– Во сне мысль пришла. – Гвен прикрыла за собой дверь. – Кэм еще спит.

Кэти виновато моргнула.

– Извини.

– Ничего. Так что случилось? Ты бледная.

Кэти рассмеялась, но смех сменился икотой.

– У меня был плохой сон. Очень плохой. Про мужчину, который умер.

– Умер? – Гвен побледнела. – Кто умер?

– В отеле. Просто гость. – Кэти потрясла головой, вспомнив, что так и не рассказала Гвен ничего. Собиралась, но потом слышала, как тетя разговаривает на повышенных тонах с Кэмом, и все планы вылетели из головы. – Я его нашла в номере.

– Ох, милая. – Гвен сочувственно покачала головой и отложила игрушку. – Ничего удивительного, что тебе приснился кошмар.

– А сейчас случилось нечто странное. Со мной разговаривала птица. Мужским голосом.

Гвен потрогала ее лоб.

– Тебя не тошнит?

– Я не больна. Думаю, голос принадлежал мистеру Коулу. Тому самому гостю. Он умер от сердечного приступа.

– Садись, – сказала Гвен. – Приготовлю тебе чаю.

Кэти села за кухонный стол, уже ощущая знакомый комфорт тетиной кухни. Чашка чаю. Сейчас Гвен все объяснит. Может быть, у Харперов всегда так: магическая сила начинается с разговора с сорокой.

– А ты разговаривала когда-нибудь с сорокой? – спросила Кэти, услышав шум закипающего чайника.

Гвен доставала молоко из холодильника. Бутылка выскользнула из ее пальцев и разбилась, упав на пол.

Кэти встала, чтобы помочь, но Гвен перешагнула через растекающуюся лужу и схватила ее за руки.

– Ты уверена, что это была сорока?

– Да. – Кэти даже обиделась: распознавать птиц они учились, когда ей было пятнадцать, но Гвен, похоже, слишком разволновалась. – Она сказала что-то о часах. Думаю, мистер Коул хочет, чтобы я нашла его часы. Или сделала что-нибудь с ними. Или, может быть...

Лицо Гвен посерело, уголки губ опустились. Она как будто постарела вдруг.

– Человек, который недавно умер, говорил с тобой через ворону?

– Сороку.

Гвен покачала головой, словно могла стереть слова Кэти.

– Нет, нет, нет.

Кэти почувствовала, как шевелятся волоски у нее на шее.

Гвен обычно такая спокойная. Должно быть, дело плохо.

– Гвен?

Гвен, с угрюмым выражением лица, смотрела мимо Кэти.

– Я знала, что будут последствия, – мрачно сказала она. –

Это моя ошибка.

– О чем ты говоришь?

– Магия крови. – Казалось, Гвен выталкивает слова. – Я применила магию крови. Это серьезное дело. Тьма. Я знала, что за это придется платить.

Кэти нахмурилась. Почему Гвен настроена так негативно? И когда она перестанет расплачиваться за одну маленькую ошибку?

– Ты не думаешь, что это дело семьи Харпер? Может быть...

Гвен покачала головой.

– Я не знаю. Не знаю... – Она замолчала, взяла ближайший блокнот и стала его листать. – Я к тому... думаю, что что-то подобное было давным-давно, но...

– Тогда все ясно. Я только что унаследовала самую дерьмовую силу. Вот оно что.

– Не все так просто. – Гвен все еще выглядела так, словно ее вот-вот вырвет. – Потерянное не всегда хочет, чтобы его нашли.

– Знаю.

– И давать людям то, что им нужно, не всегда приятно, – рассердилась Гвен. – Ты читала дневники Айрис?

– Конечно.

– А то, что я писала для тебя? Читала? Ты все поняла?

– Да! Конечно, читала. Ты сама знаешь, что читала. Я учусь вместе с тобой каждую неделю, все последние семь лет. Ты же знаешь.

– Жаль, ты была недостаточно внимательной. – Гвен захлопнула блокнот и, нахмурившись, посмотрела на Кэти. – Говорить с сорокой? И о чем ты думала?

– Замечательно. – Гвен тоже рассердилась. – Что еще мне следовало сделать?

– Тебе нужно быть осторожнее.

– Я всегда осторожна, – возразила Кэти.

– Я займусь этим. – Гвен потерла ладонью лицо. – Может быть, есть кто-то, кто знает.

– Только не Глория.

Гвен покачала головой.

– Я пока ей не скажу. Сначала нужно разобраться. Выяснить, что это значит. – Она схватила Кэти за руку. – Не говори никому.

– Итак, я ищу его часы? По-моему, он просит меня о помощи.

– Нет. Ничего не делай.

– Но...

– Возможно, это не он. Возможно, это проклятие, заговор или перебалансировка. Это не твоя сила, – сказала Гвен.

– Не может быть.

Опять разочарование. Она снова стала жертвой. Жертвой проклятия. Или чего-то там еще. Она была так осторожна, она тренировалась, прочитала «Полный травник» Калпепера, «Современный гербалист» и все остальное, что посоветовала Гвен. Она делала записи на листах формата А4 и никогда не пробовала магию без присмотра. Она следовала всем правилам, которые установила Гвен, и вот теперь, когда что-то наконец случилось, Гвен говорит, что не надо обращать на это внимание.

– Сиди спокойно и ничего не предпринимай. Я разберусь. – Гвен быстро обняла ее. – А если увидишь сороку, заткни уши пальцами.

– Ты серьезно? – Разочарование быстро переросло в раздражение. Гвен отказывалась от нее. То же самое могла бы сказать ей мать.

– Совершенно серьезно. Если это какой-то побочный эффект, ты должна ему противостоять.

– Хорошо, – сказала Кэти. – Мне пора на работу. Уже опаздываю.

– Думаю, тебе лучше держаться подальше от этого места. Пока все не уляжется.

– Я там работаю, – напредила Кэти и, поцеловав Гвен в щеку, направила к задней двери. – Не волнуйся. Глупостей

не наделаю.

Кэти осторожно пробралась по коридору верхнего этажа. Она знала, что гостей наверху нет и, проверив табель рабочего времени, выяснила, что уборка должна закончиться здесь. Включив весь свет, она направилась напрямик к Желтой комнате.

Желтую полицейскую ленту по распоряжению Патрика уже сняли. Не позволяя себе колебаться или думать, что позволяет себе лишнее, Кэти открыла дверь и проскользнула внутрь.

После недавнего инцидента номер тщательно убрали, и теперь комната выглядела точно так же, как перед вселением Оливера Коула. Правда, кто-то сбил термостат, и температура заметно упала.

Сама не понимая, зачем это делает и что ожидает найти, Кэти проверила смежную комнату. Туалетные принадлежности заменили, унитаз сиял. Поймав в зеркале над раковиной свое отражение, Кэти состроила гримасу. Бледная кожа, темные круги под глазами, потрескавшиеся губы. Жутковатое зрелище.

Кэти вздрогнула, услышав какой-то звук в спальне. Мгновенно подскочил пульс. Дверь приоткрылась, слышались приглушенные ковром шаги. Кэти торопливо оглянулась и, вооружившись единственным переносным предметом – огромных размеров бутылкой шампуня, – бочком двинулась

к двери.

В той части комнаты, которая была ей видна, возникла мужская фигура.

– Аа! – размахивая бутылкой шампуня, Кэти выпрыгнула из ванной.

– Иисус, Мария и Иосиф! – воскликнул, обернувшись, Макс.

– Ты что здесь делаешь? – Получилось нелепо, и Кэти разозлилась не на шутку.

– А что ты делаешь с этой штукой? – Макс показал на бутылку, нахмурился и шагнул вперед. – Это случайно не...

Кэти ловко повернулась и ловким жестом вернула шампунь на его законное место. Потом, выгадывая время, вымыла руки и, оглянувшись, увидела, что Макс опустился на колени и заглядывает под кровать.

– Что ты ищешь?

Он отступил.

– Они убрали номер.

– Конечно. Но тебе-то что? – Не сразу, но до нее все же дошло. – Хотел просмотреть его вещи?

– А ты не хотела? – Макс выпрямился и отряхнул джинсы.

– Нет! – Между неплотно сдвинутыми тяжелыми бархатными шторами осталась щель, и колышущаяся за ней прозрачная занавеска отвлекала Кэти. Она пересекла комнату, чтобы закрыть окно, но оно было плотно закрыто. Занавеска перестала колыхаться и висела неподвижно. Игра света,

подумала Кэти и, повернувшись, увидела Макса, стоящего в опасной близости от нее. – Тебе нельзя здесь быть. Ты – «МОПС».

– Я всего лишь хочу кое-что проверить. – Он раздвинул бархатные шторы и принялся обыскивать мебель – прикроватный шкафчик, гардероб, комод.

– Отсюда все забрали. Что было, взяла полиции. Или родственники.

– Черт. – Макс полностью вытащил нижний ящик комода и заглянул в пустоту. – Иногда вещи просто проскальзывают и оказываются внизу. – Он посмотрел на Кэти через плечо. – А параноики нередко прячут деньги в самых неожиданных местах, приклеивая их клейкой лентой.

– Если что-то найдешь, тебе придется это сдать. Это во-ровство.

Макс оглянулся через плечо.

– Я не вор, – с оскорбленным видом сказал он. – И ищу свои деньги.

– Но он мертв и расплатиться с тобой уже не в состоянии. Макс покачал головой.

– Деньги мои. В покере расплачиваться по долгам считается делом чести. Нет ничего хуже, чем не оплатить долг. Так что спасаю его от позора.

«Честь», «позор» – от этих слов по спине у нее побежали мурашки. Нет, нет, она не позволит себе потерять голову. Макс хитер и изворотлив. Самоуверен. Раздражает.

– Нет, так нельзя. Это неправильно.

– Как и не платить по карточным долгам. Играешь – плати.

– Но человек-то умер. – Кэти почувствовала, что говорит почти как Монти Пайтон, но удержаться от взятого тона не смогла. – Он не может отдать деньги, потому что уже не с нами. Он мертв. – Ее так и тянуло употребить слово «экс».

Макс пожал плечами.

– Есть вещи, преступающие грань смерти.

– Поверить не могу, – сказала Кэти, ощущая за собой моральное превосходство. – Человек умер.

Привстав на цыпочки, Макс провел руками по карнизу картины. Футболка потянулась вверх, обнажив полоску голый кожи.

Кэти отвернулась.

– Я не сказал, что мне наплевать. Я едва знал его, но мне жаль, что так случилось. Хочу закончить наше с ним дело и двинуться дальше.

– Нельзя. – Какой же все-таки молодец Патрик, неожиданно подумала Кэти. Как эффективно он все устроил. – Тебе придется поговорить с его семьей. Может быть, они признают долг. Кто знает.

Макс закончил с картинным карнизом, но, оставшись на месте, все еще оглядывал комнату с несколько рассеянным видом. Кэти уже решила, что он выключился из разговора, и собиралась что-нибудь сказать, но тут он посмотрел на нее

с вызывающей прямоотой.

– У меня не сложилось впечатления, что его жена смотрела сквозь пальцы на увлечение Коула азартными играми. Не уверен, что она вообще знала об этом пристрастии мужа.

– А ты такой щепетильный? Рыться в вещах покойника – нормально. Поговорить с его женой – нет, спасибо.

– Не с женой, с вдовой. И нет, я не вижу смысла расстраивать ее. То есть расстраивать ее еще больше. Игра была его секретом, и решать, хранить этот секрет или раскрывать, должен был он, а не я.

– А по-моему, твой моральный компас немного сбилсся.

– Думаю, ты одержима деньгами.

– Что?

– Ты ставишь деньги выше чувств.

– А откуда ты знаешь, что он не испытывал сильных чувств относительно денег? – парировала Кэти.

Макс усмехнулся.

– Приятно с тобой поболтать, но мне надо идти. Ты, случайно, не знаешь, здесь где-нибудь в покер играют? Или в блек-джек?

– В Пендлфорде? Вряд ли.

– Да? Ну ладно, что-нибудь подвернется.

– Чем займешься?

Макс пожал плечами.

– Не представляю. Но в этом свой плюс.

– Забавные каникулы.

На его лице промелькнуло странное выражение. У двери он остановился и повернулся.

– Между прочим, что ты здесь делаешь? Только не говори, что он и тебе задолжал.

Кэти не собиралась объяснять, что прошлой ночью видела мистера Коула во сне и что сорока просила ее найти его часы.

– Проверяю, готова ли комната. – Кэти отвернулась, чтобы не встречаться с ним взглядом. Она всегда предпочитала быть по возможности честной, отчасти потому, что совершенно не умела врать. Вот и теперь она почувствовала тепло вспыхнувшего на шее и растекшегося к щекам румянца. – Конечно. – Макс не спускал с нее испытующего взгляда, как будто знал, что она говорит неправду. Может быть, и знал.

Он шагнул к ней.

– Ты знала Оливера? Мистера Коула?

– Я даже не знала, что его так зовут, – сказала Кэти, с облегчением возвращаясь на безопасную территорию правды.

– Ты была на свадьбе. А не видела, он давал кому-нибудь что-нибудь?

– Что, к примеру?

Макс по-прежнему смотрел на нее с нервирующей расчетливостью. Потом лицо его прояснилось, и он одарил ее очаровательной улыбкой.

– Неважно. Не обращай внимания.

– Не буду, – раздраженно бросила Кэти. Вуаль снова шелхнулась. Дрогнул горчичного цвета бархат. Штора колых-

нулась внутрь комнаты, как будто за ней скрывался кто-то. Глупости, конечно. Что-то у нее с глазами. Возможно, сахар упал или что-то еще.

– О'кей. Еще увидимся.

Макс вышел из комнаты, но Кэти снова отвлекло изменение температуры. В комнате и раньше было прохладно, а теперь стало просто холодно, и на руках выступила гусиная кожа. Кэти подошла к окну. Тихо, ни ветерка. Ткань шторы слепилась в плотную колонну. За ней определенно кто-то прятался. И этот кто-то шевелился.

– Эй? – выдавила Кэти и едва узнала свой голос, тоненький и дрожащий. Внутри все таяло от страха, но она все же удержалась и не побежала. Она бы и не закричала, но шторы вдруг вздыбились грозной, исполненной зловещих намерений башней.

– Что? – Макс вернулся на крик, и тяжелый бархат отступил и разгладился. Притворился мертвым.

Кэти отступила от окна.

– Мне кажется, здесь кто-то есть, но я никого не вижу.

Вопреки ее ожиданию, Макс не засмеялся, но подошел к шторам и – Кэти не успела его остановить – раздвинул их. Потом проверил ванную, заглянул в гардероб и под кровать.

– Ты немножко разнервничалась. Это из-за Коула.

– Нет. – Кэти покачала головой. – Посмотри на шторы. – Длинные, до пола, они снова взбугрились, приняв форму колонны или человека. Она моргнула, и они снова распусти-

лись.

– Ты видел? – Кэти подтянулась к Макс. Оглядела комнату.

– Куда ж они подевались?

– Движение воздуха или что-то такое. Я закрою окно. – Он шагнул вперед, но Кэти схватила его за руку.

– Не надо! – панически вскрикнула Кэти и, обратившись к шторам, добавила: – Хватит дурачиться. Не смешно.

– Все о'кей, – успокаивающе сказал Макс. – Здесь никого нет.

– Думаю, есть. А еще здесь холодно. – Она уже дрожала и даже стучала зубами.

Макс положил руку ей на плечо, и ей захотелось прильнуть к нему, согреться его теплом. Но он был чужак и вор, и она отстранилась.

– Давай-ка выйдем, – предложил он. – На солнышке тебе сразу станет лучше. Согреешься.

– Что-то здесь не так, – тихо сказала Кэти и, повернувшись, принялась. – Чувствуешь? Горелый запах. И... – Она не договорила. Покачала головой.

– Ничего здесь нет, – повторил Макс. И тут перевернулся стул. – Черт! – выругался он и переместился к двери. Кэти уже была на шаг впереди.

Макс вытолкнул ее в коридор и захлопнул дверь.

– Господи. – Кэти глубоко вдохнула и прислонилась к стене.

– Странно. – Голос у Макса не дрогнул, но лицо побледнело, и глаза заметно расширились. – Ну что, выйдем на солнышко?

Теплый воздух и послеполуденное солнце согрели лицо и руки, прогнали озноб. Они вышли к фасаду отеля и спустились по каменным ступенькам к нижней лужайке.

Кэти опустилась на траву возле огромного прямоугольного пруда, поверхность которого задыхалась от кувшинок.

Макс аккуратно сел рядом.

– Ты в порядке?

– Не совсем, – сказала Кэти, но ободряюще улыбнулась.

– Знаешь кого-нибудь, кто бы мог это сделать? Чтобы напугать тебя?

Кэти покачала головой:

– Вообще-то нет. Ко мне здесь хорошо относятся. – Она остановилась, поняв, как самоуверенно это прозвучало. – Seriously. Моя тетя, Гвен, что-то вроде местной знаменитости. Одним она нравится, другие хотят от нее что-то, и ее популярность в некотором смысле распространяется на меня. Но относятся ко мне доброжелательно.

– Ты ни с кем не ссорилась? По-крупному?

– Это не мое.

– Бойфренда ни у кого не уводила? Что-то вроде этого?

Кэти фыркнула.

– Нет.

Вид у Макса был такой, словно он пытается решить алгеб-

раическое уравнение.

– А есть такие, кто любит подобного рода шутки? Так, ради смеха?

– Это была не шутка.

Он пожал плечами.

– Может быть, у нас тепловой удар. Или мы напились.

– Я не пила. А ты?

– Вроде бы нет.

Кэти поднялась, стряхнула с юбки траву.

– Пойду поищу часы.

– Что? – Заслонившись ладонью от солнца, Макс посмотрел на нее снизу вверх.

Она смущенно пожала плечами.

– Часы мистера Коула. Мне нужно их найти. Надо сходить в бюро находок.

– Подожди. – Он тоже поднялся. – Откуда ты знаешь про часы? Он дал их тебе? Вот уж не подумал бы, что этот старый развратник...

Кэти удивленно посмотрела на него.

– Что тебе известно о его часах?

Макс, подбоченившись, уставился на нее. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Первым не выдержал он:

– Мне нужно найти их.

– И мне тоже. – Кэти повернулась и направилась к отелю.

– Они принадлежат мне. Я их выиграл. – Макс последовал

за ней через лужайку.

– Об этом я ничего не знаю.

– Если найдешь, тебе придется отдать их мне. Они мои.

Получалось нехорошо. Просил ли дух мистера Коула забрать часы у Макса, потому что с ними связано что-то опасное? Макс не выглядел человеком, готовым так быстро сдаться. Разве что дух мистера Коула переживал из-за того, что не может вернуть карточный долг. Может быть, он хочет, чтобы она нашла часы и передала их Максиму. Жаль, что сорока не объяснила понятнее. С магией такая проблема возникает часто. В ней все так чертовски загадочно.

После иссушающей жары отель встретил их благословенной прохладой. Анна, сидевшая за столом в рецепции, обмахивалась брошюрой.

– Привет. – Макс прошел мимо Кэти и улыбнулся Анне. – Я кое-что потерял и надеюсь, что вы мне поможете.

– Конечно. – Анна отложила брошюру.

– Я потерял носовой платок. – Макс прислонился к столу, посмотрел Анне в глаза и улыбнулся. – Ничего особенного, но он имеет для меня сентиментальную ценность.

– Можно заглянуть в бюро находок. – Анна мило улыбнулась в ответ. – Если хотите, я покажу...

– Носовой платок, – вмешалась Кэти. – Неужели?

– Кэти как раз собиралась туда. Вот и я приклеился. Но все равно большое спасибо. Здесь все такие любезные.

– Мы для того и работаем, чтобы угождать клиентам, –

машинально выдавала Анна, переводя взгляд с Кэти на Макса.

– Ни малейшего шанса. – Кэти взялась за ручку двери. – «Мопсам» вход воспрещен.

– Что это за «мопсы» такие? – поинтересовался Макс.

Кэти уже открыла рот – сказать, чтобы он не соскакивал с темы, но Анна опередила ее:

– Обычные граждане¹.

– А лайфер?²

Анна нахмурилась.

– Вы работали в отеле?

Макс покачал головой:

– Нет, слышал это слово от Кэти.

– Постоянный резидент, – сказала Кэти. – Как Хемингуэй или Феллини.

– Да, – подхватила Анна. – Патрик с радостью принял бы такую парочку, но я постоянно говорю ему, что здесь у нас не Лондон и не Нью-Йорк. У нас нет таких богачей.

– Неужели?

– Ваш отель – шикарное заведение.

– Ладно, положим, вы миллионер и можете позволить себе жить в отеле. Имея возможность выбирать, что бы вы предпочли? Уилтшир?

– Верно сказано, но некоторые хотят жить спокойной жиз-

---

¹ Мопс (*англ. mops*) – рядовые граждане, члены общества (*members of public*).

² Лайфер (*англ. lifer*) – пожизненный клиент; также заключенный с пожизненным сроком.

нию.

– Если хочешь жить спокойно, не живи в отеле. Живи на каком-нибудь острове или в частном имении.

– Но есть покой и есть тишина. В отеле ты живешь среди людей, но не обязан взаимодействовать с ними. По крайней мере, только на своих условиях. Ты один, но не одинок.

– Как-то у тебя грустно получается, – сказала Кэти и, толкнув дверь с табличкой «Только для служащих отеля», повернулась к Анне. – Если не вернусь через пять минут, высылай поисковую группу.

Анна согласно кивнула.

Кэти отступила, пропуская вперед Макса. Если спускаешься по лестнице первым, тебя могут толкнуть в спину.

– Знаешь, мы не держим деньги в бюро находок, – сказала Кэти, стараясь не думать, что находится в ограниченном пространстве с незнакомым мужчиной.

Макс мило улыбнулся через плечо.

– Носовой платок, не забыла?

– Имеющий большую сентиментальную ценность, – саркастически заметила Кэти.

Он кивнул.

– Я в отчаянии.

– Вижу.

Внизу, под кухней и по соседству со стеллажом для вин, проходил короткий и широкий коридор.

С одной стороны вдоль него тянулись заставленные ко-

робками полки. Макс выдвинул одну из них и запустил внутрь руку.

– Я бы так не делала. – Кэти указала на подписанный от руки ярлычок, наклеенный на боковую стенку и пожелтевший от времени. Надпись едва читалась.

– Зубы? Ты серьезно?

– Ты удивисься, узнав, сколько людей оставляют в номере свои вставные челюсти.

– Угу.

– А еще женские панталоны.

– Пардон?

– Смотри. – Кэти вытащила коробку побольше и достала из нее с полдюжины шелковых и ажурных трусиков. – Женщины, когда собираются остановиться в отеле, берут с собой самое лучшее белье. Потом, проведя здесь ночь страсти, забывают их в постели. Забывают насовсем, а трусики попадают в эту вот коробку.

– Вы их хотя бы стираете?

Кэти выпустила из пальцев розовые танга.

– Конечно. То есть это делают горничные. Не я лично.

– А почему вы их храните?

– На случай, если их востребуют владельцы. Мы – хранители потерянных трусиков, вставных челюстей, вибраторов...

– Нет. Серьезно? – Кэти кивнула. – И драгоценностей?

– Конечно. – Кэти подошла к стеллажу, привстала на цы-

почки и сняла с верхней полки обувную коробку, наполненную часами. На кожаных ремешках, в пластмассовом корпусе, красный «свотч», огромные дайверские.

– А почему вы не отправляете это все владельцам? У вас же есть их адреса.

– Если попадаете что-то по-настоящему ценное – например, кольцо с брильянтом, – мы нарушаем пакт и связываемся с гостем, но все остальное...

– Какой пакт?

– Пакт, который гласит «ничего не вижу, ничего не слышу». Важный принцип в отельном бизнесе.

– О'кей, – смущенно сказал Макс.

– Если вы через три дня после ваших каникул получаете по почте ваши панталоны, это разрушает иллюзию незаметного сервиса. Это то же самое, что бросить их вам в лицо.

– Правильно. И справедливо. Но вот эта штука стоит сотни фунтов. – Он взял из коробки дайверские часы.

– Правда? – Кэти с сомнением посмотрела на часы. – Они ужасные.

– Они водонепроницаемые до двухсот метров, измеряют глубину до сотни метров и сделаны из титана.

Последовавшая за этим пауза растянулась настолько, что стала некомфортной.

– Ну ладно. Идем дальше, – сказала Кэти, чувствуя, что краснеет.

Стоявший рядом Макс наклонился к ней, и на мгновение

Кэти прислонилась к нему. Но только на мгновение. В следующую секунду она опомнилась и сделала шаг назад.

– Будешь искать свой платок?

– Мой что? – слегка осевшим голосом спросил Макс и откашлялся.

– Носовой платок. С которым у тебя что-то связано.

– Правильно. Для носовых платков есть своя коробка?

Кэти махнула рукой в конец коридора и пододвинула к себе коробку с часами.

– Черт. Знать бы еще, как они выглядят.

– Ты видела их у него на руке?

– Нет, я и не присматривалась, – рассердилась Кэти. Откуда ей было знать, что придется копать в аксессуарах Оливера Коула? *«Травник Калнепера»* точно не предупреждал ее об этом.

– Можно? – Макс протянул руку.

– Я все равно не позволю тебе забрать часы мистера Коула. – Кэти прижала коробку к себе. – И мне наплевать, если тебе это не понравится.

Он покачал головой.

– Я только сомневаюсь, что мы ищем одно и то же. Часы, которые я выиграл, женские. Циферблат выложен брильянтами. Броские, такие носила бы девушка из бандитской шайки.

– То есть он играл на часы жены. – Может быть, поэтому он и хотел, чтобы Кэти нашла их. Может быть, его дух пере-

живал из-за потери часов супруги?

– Ты так и не сказала, почему тебе нужно их найти. Ты ведь даже не знаешь, как они выглядят.

– Нет. – Она вынула из кучи «свотч», подержала и вернула на место. – Какая ж я идиотка. Надо спросить его жену. Скажу, что они пропали, а сообщать, когда он мне это сказал, необязательно. Так что и врать не придется. Отлично.

– Отлично, если ты веришь, что его жена не выберет «Брайтлинг» и не продаст их потом за хорошие деньги.

– Ты бы так, конечно, и сделал.

– В прошлой жизни, возможно. Но сейчас я начинаю с чистого листа.

– Точно? – Кэти прижала к себе коробку. – Ты закончил?

– Да.

Они поднялись на лестницу и вышли на свет.

Глава 5

Кэм допоздна работал в офисе, и Гвен воспользовалась возможностью просмотреть все дневники Айрис. Когда она только унаследовала дом и впервые читала записи, ей часто казалось, что они открываются именно в том месте, которое было ей нужно. Теперь она знала их практически наизусть, но хотела прочесть повнимательнее, освежить память. При отсутствии какой-либо системы индексации это означало, что искать придется долго. Прошло несколько часов, дневная жара вызвала желание положить голову на стол и поспать, она уже сомневалась, что ее усилия дадут требуемый результат.

Когда пришла Кэти, Гвен отложила разговор и отправилась готовить смузи в блендере. Пока машина жадно перемалывала фрукты и лед, а Кэти искала высокие стаканы и соломинки, Гвен попыталась придумать, как бы помягче объяснить то, что только что прочитала. Кэти потянулась и включила «Китчен Эйд».

– Что?

– Ничего хорошего.

– Рассказывай. Мне нужно знать.

– О'кей. – Гвен разлила смузи. Себе она добавила рюмку водки и протянула бутылку Кэти, которая, как всегда, покачала головой. Кот выслеживал что-то в подлеске, и в воздухе

вита́л а́ромат лаванды. Вечернее солнце еще дарило тепло, но жара спала, и дышалось легче. Гвен села на деревянную скамейку, передав одну из подушек Кэти, и положила другую за спину.

Кэти сжимала свой стакан, как будто позабыв про смузи. Гвен хотела снять напряжение, утешить ее, но когда положила руку на плечо племянницы, та сбросила ее.

– Пожалуйста, расскажи, что ты узнала.

– Нашла кое-какую информацию о появлении привидений. Случается так, что духи иногда попадают в ловушку. Вроде как привязываются к какому-то месту, объекту или человеку.

Кэти откинулась назад.

– О'кей. Итак, мистер Коул привязан ко мне. Я к тому, что он говорил со мной через сороку, следовательно, он не застрял в отеле.

– Я так и подумала, – сказала Гвен.

– Так как же мне от него избавиться? То есть не избавиться от него, а помочь ему.

– Вот и об этом подумала. Говоря о мертвых, Айрис очень уклончива. Этой темы она касается дважды и оба раза говорит, что идея эта очень-очень плохая.

– Что ты имеешь в виду?

– Вероятно, ее бабушка умела говорить с мертвыми. Вроде как.

– Что значит «вроде как»?

– Она прикасалась к мертвецу и узнавала, как он умер.

– Как в «*CSI. Место преступления*»?

Гвен кивнула.

– Страшная сила, – сказала Кэти. При этом особенно шокированной она не выглядела. Скорее заинтригованной. Гвен постоянно забывала, какой силой наделена племянница, насколько она мотивирована. Пора уже перестать думать о ней, как об испуганной четырнадцатилетней девчонке.

– Так. Что мне делать с мистером Коулом? Есть ли способ поговорить с ним? Спровоцировать контакт или что-то вроде того? Я имею в виду, что он, очевидно, пытается со мной поговорить, и если я хочу, чтобы кошмары прекратились, может быть, мне стоит постараться прислушаться?

Смысл в этом был. Гвен тревожилась, но не могла придумать другого выхода. Кэти просила о помощи. И поскольку она, вероятно, была той, кто проклял ее этой силой, ее долг избавить племянницу от нее. Излечить Кэти.

– Есть одно заклинание, его можно попробовать. Нечто вроде вызывания духов.

– Устроить сеанс?

– Думаю, что да. Айрис изложила детали, но, судя по краткости описания, понятно, что она относилась к этому неодобрительно.

– Хорошо, что ее здесь нет. Мы можем попробовать? – Кэти высосала остатки смузи, издавая соломинкой всасывающие звуки.

– Так и думала, что ты это предложишь. – Гвен вернулась в дом и взяла первую попавшую под руку свечу, высокую, с бергамотом, которую использовала на кухне, чтобы удалить посторонние запахи после приготовления карри. Вернувшись во двор, она поставила свечу перед лавочкой и села, скрестив ноги, на траву. Кэти села напротив.

Гвен зажгла свечу и протянула руки племяннице. Руки Кэти были холодные, и она мягко сжала их.

– Что мне делать? – взволнованная предстоящим приключением, спросила Кэти.

– Думаю, мы просто слушаем, – сказала Гвен и, уставившись на пламя свечи, приказала себе расслабиться.

– Сосредоточенно или медитативно? – спросила через секунду Кэти. Племянница как будто читала ее мысли.

– Медитативно. Нужно открыть пространство, чтобы Оливер Коул мог войти.

– В меня он не войдет, большое спасибо, – сказала Кэти, но потом закрыла глаза и притихла.

Гвен сделала то же самое и через некоторое время почувствовала, как соскальзывает в пространство между бодрствованием и сном. Вместо мужчины, который мог быть мистером Коулом, она увидела лежащую на кровати, умирающую четырнадцатилетнюю Кэти. Гвен открыла глаза. Кэти, взрослая, сидела перед ней. Здоровая. Живая. Чувствуя, что покрывается пупырышками, Гвен сжала ее руки.

– Извини. Не могу.

Кэти открыла глаза.

– Все в порядке, – сказала она, вероятно, увидев что-то тревожное в глазах Гвен. – Я найду часы. И мне не нужна его помощь. – Она улыбнулась. – Вообще-то я увидела еще кое-кого, кто ищет их. И, похоже, он из тех, кто получает то, что хочет. Буду держаться его, и, держу пари, он приведет меня к ним.

– Он? – Гвен уже видела однажды такую же улыбку на лице Кэти и знала, что она значит. – Этот *он*, случайно, не симпатичный?

– Может быть. Но ты не беспокойся, я очень здравомыслящая девушка. – Меня не это беспокоит. – Кэти всегда была осторожной. Не доверялась первому встречному и всегда принимала во внимание каждую потенциальную опасность. Одна половинка Гвен была только рада тому, что племянница такая, что она никогда не выпьет лишнего, не соблазнится наркотиком и не сядет в машину с пьяным водителем, но другая половинка беспокоилась из-за того, что она не узнает иной жизни. Что ее безопасный мирок будет сокращаться, съезживаться, пока не уменьшится до размеров ее дома, Эндхауза, и этого мавзолея на холме, отеля «Грандж». И может быть, даже без последнего, если мистер Коул продолжит изводить ее из могилы.

Выпив еще смузи, Кэти положила голову на спинку скамейки. Потянулась, широко, словно соперничая с Котом, зевнула и вытерла лицо.

– Извини. Не выпалась.

– Ну так приляг. – Гвен забрала пустой стакан и поставила его на землю. Пусть она не могла решить проблему беспокойного духа или возможного вмешательства черной магии, но могла до отвала накормить Кэти фруктами и обеспечить ее надежной крышей над головой. Иногда это все, что можешь сделать, и иногда этого достаточно.

В глубокой задумчивости Гвен шла по дорожке вдоль канала от Пендлфорда к Бату. Вышла она рано, до шести, пока тихо, но собачников было больше, чем она ожидала. Мужчина на курсирующей по каналу лодке курил сигарету и, когда она проходила мимо, пожелал ей доброго утра.

Спустя пару миль ритм ходьбы успокоил мысли, и она почувствовала, что сможет работать, когда вернется домой. Гвен не интересовал пейзаж, ее мысли были направлены внутрь, поэтому она не замечала женщину, пока та не оказалась прямо перед ней. Незнакомка проворно прыгнула с борта лодки на тропу.

– Вы ведь Гвен Харпер?

У женщины были серебристо-седые волосы, перехваченные завязанным по-крестьянски желтым платком, темные джинсы и жилет поверх клетчатой рубашки. Она выглядела здоровой, непринужденной и до странности знакомой.

Женщина покачала головой и протянула руку.

– Я – Ханна.

Гвен пожала протянутую руку, крепкую, сухую, с чуть загрубелой кожей и коротко подстриженными ногтями. Рабочие руки.

– Вы чего-то хотите? – Будет немножко утомительно, если люди станут не только приходить к ее задней двери в любое время дня и ночи, но и подкарауливать вне дома. И бежать некуда.

Ханна улыбнулась.

– Вообще-то нет. Я просто подумала, что нам нужно познакомиться. Может быть, однажды мы сможем помочь друг дружке. Знаете, всякое бывает. Чаю?

– Извините?

– Не зайдете на чашку чаю? – Ханна кивком указала на лодку. На борту суденышка красовалась выполненная синими, с завитушками буквами надпись «Фридом».

Гвен разрывалась между желанием посмотреть, как устроена симпатичная канальная лодка, и опасением оказаться в замкнутом пространстве с незнакомкой, против чего всегда предупреждала Кэти.

Ханна прищурилась.

– Я знала Айрис, если это как-то поможет.

Гвен подумала о Лили, ее змеиных глазах, мелких зубах и жестком блеске безумия. Она тоже знала Айрис.

– Неудивительно, что после Лили Томас вы не доверяете людям. – Похоже, Ханна читала мысли.

– Откуда вы...

– Ох, перестаньте. Думаете, Харперы – единственная одаренная семья на весь мир? Я – Ханна Эш. – Она помолчала, словно ожидая, что Гвен сделает что-нибудь. Может быть, ахнет.

Гвен покачала головой.

– Извините, я не...

Ханна присвистнула.

– Вон оно что. Значит, Айрис не шутила, когда называла себя одиночкой. Она действительно не рассказывала вам о нас?

– Вообще-то я Айрис и не знала толком. Моя мама разругалась с ней, а потом мы много переезжали и...

Ханна подняла руку.

– Не мое дело. Просто хотела с вами познакомиться, познакомиться.

– Здравствуйте. – Гвен лишь теперь заметила, что сложила руки на груди. Не очень-то дружелюбный жест. Она заставила себя распустить узел, и руки повисли.

– Здесь все еще немало старых семей. Мы, семейство Эш, с Эйвона, Айронсы – из Сомерсета, Уилоусы – я их не очень хорошо знаю – из Дорсета. Вы же знаете, как оно, жить по соседству мы не любим. Чтобы проблем не создавать.

– Верно. – У Гвен слегка закружилась голова.

– Я здесь по меньшей мере раз в месяц прохожу, обычно в такое вот время. Или спросите кого из других речников – передадут. На случай, если что потребуется. – Ханна

еще раз взглянула на Гвен, помахала рукой, запрыгнула на лодку, пригнувшись нырнула в низкую дверь и исчезла.

Кэти пришла в «Грандж» на послеполуденную смену. Анна была в дежурной, заплетала волосы. Вид у нее был утомленный.

– Представляешь, нам еще приходится работать в такую погоду. Какая бесчеловечность!

– Полностью согласна. – Спина у Кэти была влажная от пота после пешей прогулки. Она повесила сумку на крючок и села, чтобы переобуться, сменить сандалии на туфли. Ноги как будто влезли в мини-духовки.

– Жалко невесту, – продолжала Анна. – Да, конечно, все хотят солнца в такой день, но это... – Она махнула рукой, будто жара лишила ее способности закончить предложение.

– Согласна, – снова сказала Кэти, стараясь – безуспешно – не думать о Максе. Их общий визит в комнату потерянных вещей стал едва ли не самым волнующим событием за целый год. – Что? Извини.

– Тепловой удар, – повторила Анна, ставя точку, и толкнула дверь в кухню.

Кэти работала в главном зале, разнося тарелки с прошутто и арбузом и ухитряясь избегать гневных нареканий Фрэнка. Солнце палило, проникая в зал через высокие окна, и все, от официантов до жениха, обливались потом.

подав последнее первое блюдо, Кэти отправилась на по-

иски Анны.

– Нам надо еще вентиляторов.

Она установила еще три электрических фена по углам зала, и какая-то седоволосая женщина с серебристыми, коротко стриженными волосами благодарно улыбнулась.

– Вот спасибо.

Ветерок немного помог, но температура оставалась высокой. Интересно, подумала Кэти, сколько гостей задремлет во время речей.

Кэти едва закончила подавать к столам игристое вино к каждому столу и удостоверилась, что у детей есть лимонад или апельсиновый сок, когда шафер поднялся и постучал по стакану. В комнате стало тихо, не считая гудения вентиляторов.

Кэти, отступив за сервировочные столики, продолжала работать, стараясь не привлекать к себе внимания. По собственному горькому опыту она знала, что тот, кто берет паузу и почтительно ждет, пока произносятся тосты, в конечном итоге оказывается в безумной спешке. Вуалетки мягко покачивались под ветерком, раздуваемым вентиляторами, и шафер, монотонный голос которого и в лучших обстоятельствах навевал сон, все бубнил и бубнил.

– Вот же зануда, а?

Кэти раскладывала по коробкам слайсы торта и не заметила, как к ней подошла женщина. Короткие каштановые волосы, персикового цвета атласное платье. Вместо популярной

шляпки-вуальки – серебристо-черная Алисина лента с геометрическим дизайном. Поймав оценивающий взгляд Кэти, она широко улыбнулась и подняла руку к голове.

– Тебе нравится? Новейшая штучка. Последняя мода.

Женщина была моложе, чем показалось вначале. То есть младше самой Кэти. Кэти вежливо улыбнулась. Грубить не хотелось, но разговаривать во время свадебной речи, даже негромко, считалось плохой манерой.

– Что это за торт?

Конечно, игнорировать гостя было бы еще хуже.

– Нижний слой – шоколадный, средний – микс ананаса и маракуйи, а верхний – ванильный бисквит. Коробки маркированы. – Кэти указала на пирамиду уже готовых коробок. – Невеста хотела, чтобы у людей был выкуп.

Девушка наморщила носик.

– Фруктовый торт – это традиция. Считается, что верхний слой нужно сохранить до первой годовщины свадьбы. Ванильный бисквит испортится.

Кэти беспокойно огляделась – но никто, похоже, внимания на них не обратил. Все смотрели на отца невесты, пили столовую воду и обмахивались программками.

– Не понимаю, как люди ведут себя сегодня.

Кэти едва удержалась, чтобы не рассмеяться. Девушка выглядела лет на семнадцать-восемнадцать, не больше.

– Посмотри на это. – Она кивнула в сторону верхнего стола. – Невеста держит речь.

– А почему бы и нет? – Кэти пожала плечами.

Девушка поджала губы.

– Нет такой традиции.

Кэти хотела сказать, что свадебные традиции – носить белое и принимать фамилию мужа – это пережиток другого, более сексистского, времени, но не спорить же с «мопсом». К тому же Кэти подозревала, что, представься такая возможность, она сама бы с удовольствием надела одно из этих элегантных платьев цвета слоновой кости.

– Между прочим, я – Вайолет. – Девушка легко провела ладонью по поверхности стола. – Это настоящий лен?

– Не знаю, – сказала Кэти и тут же, чтобы ответ не показался непочтительным, добавила «извините». По правде говоря, девушка уже начала действовать ей на нервы. И взгляд у нее был чересчур пристальный.

– Хотите торта? – предложила Кэти.

– О нет. – Вайолет качнула головой, и – странное дело – ни один волосок на ее голове даже не шелохнулся. – Я не ем торты. Вредно, знаешь ли, для фигуры.

Чтоб тебя, подумала Кэти, а вслух сказала:

– О, перестаньте. Живешь только раз.

Шафер с громким стуком опустил экран проектора и начал показывать фотографии из жизни жениха. Улыбающиеся фотографии жениха в детстве, жениха в возрасте неуклюжего подростка и еще много-много его фотографий в компании друзей, разгоряченных и улыбающихся, с напитками

в руках. Конечно, его жизнь до встречи с возлюбленной. Жизнь той поры, когда он не был очарован женщиной. Кэти слушала одним ухом, но улавливала горечь в словах шафера.

Заканчивай, приятель, подумала она. Свадьбы не всегда вызывают те эмоции, которых ожидаешь. Потеряв интерес к драме, Кэти повернулась посмотреть, не могла ли ее новая знакомая каким-либо образом повлиять на шафера, но девушка ушла.

К концу смены сил уже не осталось. Жара и недосып сделали свое дело, и она чувствовала себя как зомби.

Макс сидел на низенькой стене и, увидев ее, поднялся и сунул руки в карманы.

– Еще раз привет. – Кэти попыталась не показать, что рада его видеть. – А вот к шведскому столу ты опоздал.

– Знаю. – Макс задорно, по-мальчишески улыбнулся. – Я тебя ждал.

Она опустила глаза, пряча охвативший ее жар волнения.

– Вообще-то хотел попросить об одолжении.

– А, – протянула она.

Дверь служебного выхода открылась.

– Тебя подвезти? – Анна доставала из сумочки ключи от машины и не сразу заметила Макса. – Еще раз привет.

– Нет, спасибо, – сказала Кэти. – Анна, это Макс. Он был на свадьбе.

– О, – вздохнула Анна.

– Явился без приглашения, – пояснила Кэти. – Он не из скорбящих гостей.

– Вот и хорошо. То есть нет, – смутилась Анна. – Наверно.

– Приятно познакомиться, – сказал Макс. – Еще раз.

– Взаимно. – Анна смерила его оценивающим взглядом. –

А ты живешь в Пендлфорде?

– Я здесь проездом.

– Вот же повезло. – Анна улыбнулась. – Вас двоих точно никуда подвезти не надо?

– Нет, все в порядке, спасибо, – сказала Кэти, старательно игнорируя испытующий взгляд подруги.

Анна направилась к служебной парковке, где стояла ее машина, а Кэти повернулась к Максy:

– Ты что-то говорил об услуге?

– Подумал, что ты, может быть, позволишь мне еще раз зайти в ту комнату. Дверь была открыта, но потом ее кто-то запер.

– Может быть, из-за того, что по отелю шляются всякие сомнительные личности. И я не собираюсь помогать тебе в поиске денег. Я же говорила...

– Дело не в этом. Мне интересно, что случилось раньше. Взглянуть еще раз.

– Почему?

– Может, там был призрак. Было бы клево.

Кэти сложила руки на груди.

– Ты скажешь мне правду? – Она подождала немного и,

поскольку Макс не потрудились ответить, сказала: – Думаю, мне не стоит это делать. Я тебя не знаю.

– Справедливо. – Макс пожал плечами, повернулся и направился к отелю.

Кэти поспешила за ним.

– Ты что собираешься делать?

– Посмотрю снаружи. Поищу провода или какую-нибудь штуковину, с помощью которой можно бы проворачивать тот фокус со шторами.

Он остановился на лужайке, потом сделал пару шагов назад и, защитив глаза от солнца, пробежал взглядом по окнам.

– Это ведь она?

Желтая комната находилась на втором этаже. Окно выходило на крохотный балкончик с каменной кладкой по краю. В какой-то момент оно потемнело, и Кэти взглянула на небо, ожидая увидеть наплывшее на солнце облако. Но нет, небо было чистым.

– Ничего, – сказал Макс. – И забираться туда я не стану.

Он лег на траву и положил руки под голову.

– Во-первых, слишком жарко.

Кэти села рядом, подобрав под себя ноги, потом, отругав себя за нерешительность, тоже растянулась на траве в нескольких дюймах от него. Общественное место, середина дня – беспокоиться не о чем.

Она тоже укрылась ладонью от солнца.

– Та комната, в которой мы были, – с нарочитой небреж-

ностью сказал Макс, – в ней, случайно, не Бартон остановится?

– А откуда ты это знаешь?

– Всего лишь предполагаю.

– Но ты знаешь, что он устраивает здесь представление?

Макс смущенно пожал плечами.

– Ну да. Но скидку на билет ты ведь мне не устроишь?

– Я этим не занимаюсь. И потом, ты ведь здесь проездом.

Макс привстал и, опершись на локоть, посмотрел на нее сверху вниз.

– С тобой можно говорить откровенно?

– Не знаю. – Кэти повернулась так, чтобы смотреть на него. – Опыт подсказывает, что нельзя.

Макс выпрямился.

– Ух, какая ты строгая.

– Я за честность. – Кэти пожала плечами. – Для меня это важно.

– Ну ладно. – Макс сложил руки на груди. – Я здесь не проездом. Я приехал из-за Бартона.

– Того самого, медиума? – Кэти попыталась добавить что-нибудь вежливое. – Вот уж не ожидала. По-моему, ты не из тех, кто таким интересуется.

– Я и не интересуюсь. Мне нужен сам мистер Бартон. Хотелось бы узнать о нем побольше. Ну знаешь, что он за человек. Кто его друзья, какие у него привычки. Если бы ты могла проследить за ним, когда он вселится, и дать знать...

Кэти отстранилась.

– Не могу. За клиентами шпионить нельзя. Это неправильно.

– Бартон – человек публичный. А отель – публичное пространство.

– Вообще-то это не совсем так. В отеле есть как публичные места, так и приватные. Плюс я тебе не доверяю. Может, ты что-то противозаконное задумал. Я ведь уже знаю, что ты лжец.

– Конечно, как ты можешь мне доверять, если мы едва познакомились. Доверие нужно заработать.

– Звучит почти благородно. – Понятно, говорун. На словах у него все гладко получалось.

– Если доверяешь человеку, с которым только что познакомилась, это еще не значит, что он достоин доверия. Это значит только, что ты идиот. – Тема явно была Максудорога. – В мире люди делятся на два типа: на простаков и придурков.

– А разве они не одно и то же? – Вопреки лучшим намерениям, Кэти невольно подалась вперед.

– Нет, – серьезно ответил Макс. Объясняя, что к чему, он пристально смотрел ей в глаза, словно и впрямь хотел, чтобы она поняла. – Простак не обязательно глуп. Лучшие из них совсем даже не дураки. Чтобы увидеть вероятности, нужен человек с интеллектом. Можно обмануть придурка, но для мошенничества требуются простаки. Они должны быть

готовы ловчить, делать что-то сомнительное, потому что сами хотят что-то поиметь. Вот почему о мошенничествах сообщают далеко не всегда – простак знает, что рассказ выявит и его роль в игре. Вот в чем красота жульничества.

– Но должны же быть и другие, не только придурки и простаки.

– Есть еще грифтеры, – продолжал Макс. – Эти работают на доверии, но я таких не встречал.

– Ты никогда не встречал хорошего человека? Если да, то ты выбираешь не самые лучшие места.

– Нет таких, кто чист, как снег. Мы все живем в тени. – Макс пожал плечами. – И мне еще не встречался человек без малейшего изъяна.

Кэти покачала головой.

– Моя тетя Гвен без изъяна. Без малейшего. И всегда помогает людям. Вся ее жизнь – работа.

– Насчет твоей семьи комментировать не буду. Не настолько глуп.

– А как же те медсестры, которые едут волонтерами в Африку?

– Я не сказал, что люди не могут делать ничего хорошего. Нет, они постоянно делают что-то хорошее, но сами от этого хорошими не становятся.

– Но мы то, что мы делаем, и больше ничего. Если творишь добро, ты – хороший человек. Творишь зло – плохой. Другого ничего нет.

– А как же намерение? Что, если ты имеешь в виду сделать что-то хорошее, но получается плохое? Становишься ли ты из-за этого плохим человеком?

– Я не...

– И как быть, если делаешь и плохое, и хорошее? А ведь обычно именно так и бывает.

– Нужно взвешивать, – сказала Кэти. – Злодеяния есть всякие, одни хуже других. Если кто-то делает чудесные дела, спасает жизни и все такое, а потом крадет батончик «Марс» в магазине, это же не отменяет все то хорошее, что он совершил.

– Но оставляет крохотную вмятинку.

– Вот именно.

– А как быть, если кто-то творит настоящее зло? Может ли он перечеркнуть потом плохое хорошими делами?

– Может быть.

Макс широко улыбнулся.

– Так ты веришь в искупление?

– Да, – раздраженно ответила Кэти. – Абсолютно.

Макс покачал головой.

– Ты слишком милая.

– Вообще-то нет. Искупление совсем не то, что прощение.

– Значит, если я наделаю кучу хорошего, ты все равно не простишь меня за то, что я тебе солгал?

– О... – Кэти задумалась. – Насколько хорошего? Чего, например?

Макс улыбнулся, и в животе у нее закружилась карусель.

– Ну, может, я тебя поцелую. – Его лицо оказалось вдруг совсем близко, хотя он и не наклонялся. И вовсе даже не дотрагивался. Просто сидел рядом и смотрел так пристально, с таким напряжением, будто вся его жизнь зависела от соприкосновения их губ, будто она вдруг стала центром вселенной. – Можно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.